

Александр Михайловский
Александр Харников

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

Вихри враждебные

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Вихри враждебные / А. Б. Михайловский — «АСТ»,
2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982393-3

Мировая история пошла другим путем. Российская эскадра, вышедшая в конце 2012 года к берегам Сирии, оказалась в 1904 году неподалеку от Чемульпо, где в смертельную схватку с японской эскадрой вступили крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Моряки из XXI века вступили в схватку с противником на стороне своих предков. Это вмешательство и последующие за ним события послужили толчком не только к изменению хода Русско-японской войны, но и к изменению хода всей мировой истории. Япония была побеждена, а Британия унижена. Россия не присоединилась к англо-французскому союзу, а создала совместно с Германией Континентальный альянс. Не было ни позорного Портсмутского мира, ни Кровавого воскресенья. Эмигрант Владимир Ульянов и беглый ссыльнопоселенец Джугашвили вместе с новым царем Михаилом II строят новую Россию, еще не представляя – какая она будет. Но, как им кажется, в этом варианте истории не будет ни Первой мировой войны, ни Февральской, ни Октябрьской революций.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982393-3

© Михайловский А. Б., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Революция сверху	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Вихри враждебные**

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина

© Александр Михайловский, 2017

© Александр Харников, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Отгремели славные морские сражения у Чемульпо, у Порт-Артура и у берегов Формозы. Япония вынуждена была подписать мирный договор, поставивший крест на ее военной экспансии. Император выдал свою дочь за нового русского императора Михаила II. Настало время заняться делами европейскими и навести порядок в самой России. А работы там было невпроворот.

Новому монарху надо было укротить непомерную алчность фабрикантов, которые категорически не желали ничего делать для того, чтобы рабочие на их предприятиях жили по-человечески. Следовало начать экономические реформы – ведь не дело, что одна из богатейших стран мира превращалась в сырьевой придаток более развитых европейских государств. Необходимо было дать отпор заокеанским банкирам, которые из ненависти к России и русским организовывали в империи заговоры, сеяли смуту и ненависть.

Работа, за которую взялся новый император Михаил Александрович, была схожа с одним из подвигов Геракла – когда античный герой вычищал конюшни царя города Элиды Авгия. Но в этом нелегком деле российскому императору помогают его друзья из будущего – те, кто вместе с кораблями эскадры адмирала Ларионова попали в начало XX века. Справятся ли они с этим делом?

Об этом не знал никто – даже люди из будущего. Ведь история изменила свое течение, и все, что произойдет через день, неделю, месяц, год, никто уже не брался предсказать. Но то, что оно будет теперь другим, никто не сомневался.

Часть 1. Революция сверху

18 (5) мая 1904 года. Санкт-Петербург

Петербургские обыватели только-только успели прийти в себя от многотысячной первомайской демонстрации, организованной Собранием фабрично-заводских рабочих, которое вместо респектабельного священника Георгия Гапона неожиданно возглавил беглый ссыльно-поселенец Иосиф Джугашвили. Но прошло всего два дня, и они опять были ошарашены манифестом нового императора о создании Министерства труда и социальной политики, которое – о ужас! – возглавил Владимир Ульянов, еще один радикальный социал-демократ, тоже успевший побывать за решеткой за противоправительственную деятельность.

«Куда катится мир?!» – эта мысль, словно гвоздь, засела в мозгах добропорядочных и законопослушных обывателей. Но было похоже на то, что император Михаил II решил не останавливаться на уже проведенных им реформах и продолжил их, смущая умы подданных. Сегодня был опубликован новый царский манифест, который на этот раз касался высших органов власти Империи.

В манифесте говорилось, что Государственный совет, созданный еще императором Александром I в 1810 году, прекращает свое существование. До окончательного решения вопроса о создании органа, способного кодифицировать законодательство Российской империи в соответствии с задачей быстрого индустриального развития государства, все права и полномочия по законодательной деятельности переходят непосредственно к императору. При этом своих почетных должностей лишались около сотни уважаемых и заслуженных бывших министров и губернаторов, которые после отставки ранее были отправлены в Государственный совет – высший законосовещательный орган Российской империи, получивший за это прозвище «лавка древностей».

Правда, нашлись и такие, кто одобрил прекращение деятельности Государственного совета. Они заявляли, что это учреждение давно уже превратилось в своего рода синекуру для отставных чиновников высшего ранга, которые, в силу возраста и застарелого консерватизма, делали все, чтобы не допустить принятия новых законов или внесения изменений в ранее принятые. То есть, с их точки зрения, устранение Государственного совета позволит молодому императору более решительно и более оперативно проводить дальнейшие реформы и не оглядываться на мнение людей, которые все еще жили по понятиям минувшего XIX века.

Правда, увольнение от должности великого князя Михаила Николаевича, председателя Государственного совета, вызвало некоторое неудовольствие у его сына, великого князя Александра Михайловича. Но, как рассказывали люди, приближенные ко двору, после долгой и трудной беседы между императором и Сандро, последний, в конце концов, согласился с доводами своего старого друга и обещал успокоить отца, объяснив ему всю нужность и важность предпринятой самодержцем реорганизации.

Что касается оставшихся не у дел чиновников департаментов и комитетов Государственного совета, то новый император решил использовать их на других государственных должностях, для чего предложил статс-секретарю Эдуарду Васильевичу Фришу составить справки о деловых качествах всех оставшихся без работы сотрудников. Кроме того, было решено передать часть функций Государственного совета другим министерствам и ведомствам. Это в первую очередь касалось административных и судебных дел.

По закону в число членов Государственного совета входили и министры правительства, поэтому реорганизация коснулась и их. Для того чтобы разъединить несоединимое, было решено увеличить количество министерств и пересмотреть компетенции некоторых из них.

Например, Ветеринарное управление было изъято из ведения Министерства внутренних дел и передано в Министерство земледелия и государственных имуществ, которое, в свою очередь, разделилось на два самостоятельных министерства.

Из Министерства финансов изъяли департамент таможенных сборов с подчиненным ему Отдельным корпусом пограничной стражи. Из департамента создали самостоятельное таможенное управление, а пограничников на правах департамента передали в Главное управление государственной безопасности – новое учреждение, сумевшее в сравнительно короткое время нагнать страху на тех, кто вздумал покуситься на безопасность Российской империи. И это правильно – именно оно должно было контролировать пересечение границ государства, чтобы все кому не лень свободно не шастали через рубежи империи. Граница должна была быть на замке.

Кроме того, из ведения Министерства финансов были изъяты Казначейство, Экспедиция заготовления государственных бумаг и Санкт-Петербургский Монетный двор. Всех их напрямую подчинили императору, как главе государства.

Из Министерства путей сообщения изымалось все, что было связано с внутренними водными коммуникациями, для управления которыми создавалось новое Министерство водного транспорта. Оно должно было заниматься речными портами, каналами и другими гидротехническими сооружениями. Действительно, МПС за глаза и за уши хватало работы, связанной с эксплуатацией железных дорог. А речные коммуникации были всегда на положении бедных родственников.

При этом часть министерств, деятельность которых касалась внешних сношений и обороны, подчинялись непосредственно самодержцу. Остальные же остались в ведении председателя кабинета министров, которым был назначен все тот же Сандро. Таким образом, он стал вторым лицом в империи. Злые языки поговаривали, что это было своего рода отступное, которое новый император предоставил своему приятелю и мужу сестры за отставку его отца от должности председателя Государственного совета. Впрочем, злые языки в России во все времена любили перемывать косточки начальству.

О Военном министерстве и Морском ведомстве в манифесте не говорилось ничего, но это совсем не значило, что реформы не коснутся обитателей «Дома со львами» и «Шпица». Эти ведомства курировал лично новый император, и по их реформированию было принято отдельное решение. Причем, по вполне понятным причинам, оно было не для широкой огласки, так как многие положения нового закона получили грифы «секретно», «совершенно секретно» и «особой важности».

Примерно так же обстояло дело и с Министерством Императорского двора. Новый самодержец решил подсократить как штат этого министерства, так и расходы на содержание непосредственно царской семьи и траты на своих ближайших родственников. Вообще же, по совету Александра Васильевича Тамбовцева, это министерство следовало бы «разжаловать» до Управления делами при императоре. Все, что было связано с императорской фамилией, считалось делом деликатным, а потому реорганизацию Министерства Императорского двора следовало отложить на какое-то время.

А для начала следовало изъять из его ведения Дирекцию Императорских театров и Академию художеств. Для управления этими учреждениями, которые, в общем-то, не имели прямого отношения к делам дворцовым, предполагалось создать новое Министерство культуры. Тот же Александр Васильевич Тамбовцев в приватном разговоре с императором сказал ему, что культурные дела нельзя пускать на самотек, и следует ненавязчиво и деликатно контролировать и направлять эту сферу духовной жизни.

Особое внимание Тамбовцев обратил на новый вид искусства, появившийся совсем недавно – синематограф, или, как называли его пришельцы, кино. Его следовало немедленно взять под государственную опеку. Влияние кино на умы во многом неграмотных или малогра-

мотных жителей Российской империи будет огромным, а посему нельзя отдавать его на откуп, в лучшем случае – коммерсантам, которые будут снимать и показывать в кинотеатрах разную халтуру, а в худшем – врагам государства, которые подобным образом будут вносить смущение в умы людей.

Также было объявлено, что Министерство торговли и промышленности в самое ближайшее время тоже следует разделить на несколько новых министерств. При этом подразумевалось, что для лучшего управления экономикой империи следовало бы создать Госплан – структуру, которая на государственном уровне занялась бы планированием и управлением экономики России. Вопрос о Госплане было решено проработать чуть позднее, когда окончательно будут определены приоритеты развития империи на ближайшие пять – десять лет.

В рамках реформы Министерства торговли было решено создать из числа российских промышленников и предпринимателей Торгово-промышленную Палату. Этот орган, который, формально не являясь государственным, тем не менее помог бы наладить работу частных фабрик и заводов, которая принесла бы максимальную пользу государству, и помочь решению возникших между предпринимателями споров в досудебном порядке. Кроме того, Палата могла бы объединять отечественных производителей с целью дать отпор недобросовестной конкуренции со стороны иностранцев, которые в настоящее время уже завладели ключевыми отраслями российской экономики.

Государственный же контроль империи, по совету все того же Александра Васильевича Тамбовцева, превращался в Счетную палату, которая должна была внимательно отслеживать то, как расходуются государственные средства, и в случае обнаружения неоправданных расходов и хищений передавать сведения об этом в соответствующие учреждения. Поэтому Счетная палата была выведена из состава Комитета министров и подчинена напрямую императору, а ее глава получил право на прямой доклад самодержцу.

А вот что касается Святейшего Синода, то, поскольку он формально не входил в состав правительства, хотя и назывался «Правительствующим», то решение о его реорганизации было решено принять отдельным законом. К тому же император считал, что вопрос сей следовало принять лишь после его приватной беседы с обер-прокурором Синода Константином Петровичем Победоносцевым. И без реформы в руководстве Русской православной церкви заботу императора в ближайшее время должно было быть выше головы.

20 (7) мая 1904 года, полдень.

Санкт-Петербург. Новая Голландия

Константин Петрович Победоносцев, старчески ссутулившись и слегка шаркая ногами, вслед за Михаилом II шел по мощенному брусчаткой тротуару к мостику через Адмиралтейский канал. Только что он приехал с императором на новомодном самобеглом экипаже в Новую Голландию. Именно здесь, среди потемневших от времени краснокирпичных корпусов, как ему казалось, и находился эпицентр той бури, которая обрушилась на Россию. Молодой энергичный император Михаил, сменивший на троне нерешительного и подверженного посторонним влияниям Николая, с первых же дней своего правления показал, что он собирается не только воссесть на троне, но и самолично управлять одной пятой частью суши. Победоносцева сие и радовало, и пугало. Радовало потому, что такой монарх, независимый ни от кого, был живым воплощением столь любимого им самодержавного начала, не стесненного в своих действиях никакими препонами. Пугало же то, что под управлением нового капитана российский государственный корабль, совершив резкий поворот, сразу взял курс в открытое море, навстречу надвигающемуся шторму.

Принципы, которые Константин Петрович провозглашал на словах, и не более того, новый император взялся воплощать в жизнь. Еще в своих лекциях по законоведению будущему императору Николаю II, прочитанных им в 1885–1888 годах, Победоносцев писал:

– *«Самая идея власти утверждается на праве, и основная идея власти состоит в строгом разграничении добра от зла, и рассуждения между правым и неправым – в правосудии».*

– *«Государство – не механическое устройство, но живой организм. Свойства организма: сочленение живое, причем члены, связанные вместе началом жизни и духа, действуют согласно, и организм развивается и растет».*

– *«Государство есть высшее из человеческих учреждений, и подобно тому, как человек живёт для всестороннего и нравственного развития всех своих сил и способностей, и цель государства – всестороннее достижение всех высших целей человеческой природы».*

– *«Лишь в Европе выражается начало личной свободы в праве (воздавать каждому должное, по праву)... В Риме возникает понятие о лице (persona), коему присвоены определенные права, и выражается цель закона – уравнивать права между гражданами».*

– *«Общие причины ослабления монархического начала – вторжение новых идей».*

– *«Наша история выработала неограниченную царскую власть, но не выработала ограничивающих её представительных учреждений, хотя известны в истории неоднократные к тому попытки, исходившие не из народа, но из немногочисленной партии – или честолюбцев, или доктринеров».*

Только один тезис – о пагубности новых идей – самый основной с точки зрения Победоносцева, вызывал у молодого императора резкое отторжение. И именно какими-то совершенно новыми идеями тот руководствовался, начиная в России масштабные реформы, чуть ли не революцию сверху.

Нет, Константин Петрович не был всю жизнь «тупым консерватором», как его часто называли оппоненты. В молодости Победоносцев грешил либерализмом и даже сотрудничал с Герценом, пописывая в его «Колокол». Однако со временем юный либерализм улетучился, и он стал тем, кем был – консерватором, который считал, что копирование западных ценностей и образа правления – это прямая дорога к революции.

Константину Петровичу было понятно, откуда дует ветер, и он уже не один раз пытался испросить аудиенции у государя, чтобы убедить и вразумить молодого императора не совершать необдуманных поступков. Но каждый раз он получал отказ. То, что поначалу казалось чем-то мелким и не задевающим жизнь большинства российских губерний, сейчас, как мнилось Победоносцеву, грозило перерасти в сметающий все и всех шквал перемен. Единственно, что утешало Константина Петровича, все эти перемены ничуть не копировали столь ненавидимую им западную демократию. Победоносцев считал, что: *«При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов, со своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов».*

И вот, в ответ на очередную просьбу, отправленную государю после опубликования Манифеста о роспуске Госсовета и реформе Кабинета Министров, наконец был получен ответ. В нем говорилось, что император ожидает Константина Петровича в Зимнем дворце за час до полудня.

Но, едва только Победоносцев прибыл на аудиенцию к указанному сроку, как император заявил ему, что их разговор должен продолжиться не здесь, а в стенах Новой Голландии, в присутствии главы ГУГБ, тайного советника Александра Васильевича Тамбовцева. После этих слов Константин Петрович со всей вежливостью был усажен в самобеглый экипаж, и вместе с императором отправился туда, куда он так страстно старался попасть.

Четверть часа спустя,

*кабинет главы ГУГБ тайного советника
Александра Васильевича Тамбовцева*

– Константин Петрович, – сразу же предупредил император Михаил, – тут все свои, так что прошу вас – давайте обойдемся без пышных титулов и чинов. Не скрою, разговор наш может быть жестким и, возможно, окажется для вас неприятным. Но вы – не последний человек в империи, и объясниться нам необходимо. Так что уж не обессудьте...

– Государь, вам недостаточно просто отправить меня в отставку, – вскинул голову Победоносцев, – и вы решили меня еще унижить и повергнуть в прах старика, который всю свою жизнь отдал служению отечеству?

Император Михаил покачал головой.

– Какая отставка, какое унижение, – сказал он. – Бог с вами, Константин Петрович. А кто тогда работать будет-то? Я ведь помню, что вы всегда отстаивали свое мнение и не боялись ни травли в газетах, ни выстрелов террористов в окна вашего дома. Просто нам с Александром Васильевичем необходимо побеседовать с вами, чтобы вы уяснили суть вопроса. И если вы действительно желаете принести пользу России, то мы обязательно пойдем друг друга. Присаживайтесь же, наконец, и давайте поговорим, как умные люди, которые не равнодушны к судьбе Отечества.

– Если так, ваше императорское величество, – сказал немного успокоившийся Победоносцев, усаживаясь в кресло, – то я вас внимательно слушаю.

– Начнем с того, – начал император, – что не обновлявшееся вот уже почти четверть века обветшалое здание Российской империи, несмотря на усиленную «подморозку», трещит по швам. Вот-вот грядет оттепель, и все, что вашими стараниями было законсервировано, начнет трескаться и ломаться, как весенний лед на реке. С другой стороны, все мы признаем правоту ваших слов о том, что Российское государство по самой своей сути есть самодержавная империя, требующая для управления собой сильной и твердой центральной власти. При этом механизм такого управления должен быть живым, соответствующим духу времени и уровню технического прогресса.

– Извините, ваше императорское величество, – перебил царя Победоносцев, – а позвольте вас спросить – при чем тут технический прогресс?

– А при том, – ответил император, – что для того, чтобы не отстать от ведущих мировых стран в военном, научном и промышленном отношении, мы должны немедленно позаботиться о введении не только всеобщего начального, но и среднего образования, как для мужчин, так и для женщин.

– Ваше императорское величество! – воскликнул Победоносцев. – Но ведь для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу.

– Душа, – сказал император, – это, конечно, замечательно. Но ведь наших врагов, коим нет числа, облагороженной душой не победить. Вам напомнить, чем техническая отсталость обернулась для Российской империи во время Крымской войны? Ведь малограмотные солдаты не могут освоить сложную военную технику. А ведь там, в Крыму, по сути, шли бои местного значения, и не наблюдалось ничего, подобного тем массовым войнам, которые грянули уже в веке двадцатом. Вспомните англо-бурскую войну и только что закончившуюся войну с Японией. В течение ближайших десяти-пятнадцати лет мы должны догнать обогнавшие нас европейские страны по уровню развития промышленности и земледелия, качеству образования и подготовки армии. И при этом, самое главное, не допустить утери основ существования нашего общества.

Казалось бы, самым простым было бы сделать то, к чему нас призывают некоторые либеральные мыслители – пойти по европейскому пути и позаимствовать все необходимое у Франции, Германии, Британии – кому что больше по вкусу. Но этот путь неверный, так как Россия – не Европа, а русские – не французы, немцы или англичане.

– Полностью с вами согласен, ваше императорское величество, – кивнул Победоносцев, – сходство между Россией и Европой исключительно поверхностное, вызванное предыдущим необдуманном копированием чуждой нам культуры.

– Дело не в копировании, Константин Петрович, – негромко сказал со своего места Тамбовцев, – нет смысла заново изобретать велосипед, если он уже изобретен в Шотландии шестьдесят лет назад. Дело в том, что некоторые энтузиасты в наших краях пытаются кататься на велосипеде по сугробам, хотя лыжи для этого были бы более уместны.

Но не это сейчас является темой нашего разговора, а то, что государство Российское больше не может оставаться в том виде, в каком оно сейчас находится. Кроме крайне слабой промышленности – во многом из-за малограмотности населения и его, прямо скажем, нищеты, – государство страдает еще и оттого, что у нас подгнила опора этого самого государства – дворянство. Из примерно миллиона потомственных дворян служит державе едва ли их десятая часть. Дворянство постепенно выродилось из служивого класса в класс паразитов. Дворянство освобождено от обязательной воинской повинности, оно получает на льготных условиях кредиты, дети дворян имеют исключительное право на поступление в привилегированные высшие учебные заведения.

Можно, конечно, опереться на формирующийся класс буржуазии. Но это будет копирование так нелюбимых вами парламентских институтов, и вообще некоей усредненной европейской модели государства, то есть ту самую езду на велосипеде по сугробам.

– Спасибо, Александр Васильевич, – поблагодарил Михаил, – а теперь я хотел бы продолжить. В такой ситуации, когда форма государства не соответствует его потребностям, уже сталкивались Иван Васильевич Грозный и мой предок Петр Великий. Иван Грозный, чтобы обуздать своеволие бояр и княжат, ввел опричнину. А Петр Великий начал копировать европейские образцы. Нам сейчас не подходит ни то, ни другое. Так что придется выбирать для России свой, третий путь...

Победоносцев задумчиво протер носовым платком свои очки, а потом надел их, заложив дужки за большие оттопыренные уши.

– Ваше императорское величество, – тихо сказал он, – пожалуйста, не надо считать меня старым замшелым ретроградом. Я же вижу, что вы действуете по заранее составленному плану, копируя какой-то еще неизвестный мне образец общественного устройства. И мне очень бы хотелось знать, что это за образец и где вы его нашли.

Кроме того, о происхождении господина Тамбовцева, ставшего вашим главным советником, ходят весьма странные слухи. Самое удивительное заключается в том, что человек, явившийся в Петербург неизвестно откуда, сперва оказывается допущенным в ближайшее окружение вашего покойного брата, а потом, после его смерти, становится вашим главным советником, возглавляя при этом возымевшее огромную власть учреждение, которое некоторые уже называют новым Тайным приказом. Кто он такой, этот таинственный господин Тамбовцев, и чего он хочет от нашей России?

Император и Тамбовцев переглянулись. Что-то подобное в этом разговоре они предполагали. Наступило время окончательно объясниться.

– Константин Петрович, – произнес император, стараясь оставаться спокойным, – ответы на заданные вами вопросы являются величайшей тайной Российской империи. Вы действительно хотите знать то, во что посвящен лишь узкий круг окружающих меня людей?

– Разумеется, хочу, – Победоносцев гордо вскинул голову вверх, – я старый человек, жизнь прожил и готовлюсь к скорой встрече с Всевышним. Мне нечего бояться. Кроме того,

мне весьма любопытно – ради чего вы, ваше императорское величество, решили разрушить то, над чем я трудился десятки лет.

– Хорошо, Константин Петрович, – сказал император, – будем считать, что вы приняли мое предложение и согласились с моими условиями. Так вот, произошло нечто такое, что иначе как чудом не назовешь. Одним словом, сидящий сейчас перед вами Александр Васильевич Тамбовцев прибыл в Петербург с Тихого океана с эскадры адмирала Ларионова, о которой вы, надеюсь, уже осведомлены. Сама же эта эскадра Божьим промыслом – больше произошедшее ничем другим не объяснить – перенеслась в Желтое море из далекого две тысячи двенадцатого года от Рождества Христова. И оказалась она неподалеку от Чемульпо, в тот самый момент, когда японская эскадра атаковала в этом порту крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец».

– Да-да, Константин Петрович, – воскликнул император, заметив выпученные от изумления глаза Победоносцева, – господин Тамбовцев и его товарищи – совсем не иностранцы, как вы, наверное, подумали, а, если так можно выразиться, иновременцы. И это не шутка и не вымысел – это чистая правда.

И главной целью их появления была не помощь нашим флоту и армии в разгроме японцев – хотя без них мы эту войну должны были позорно проиграть. Они должны были сообщить нам сведения о том, какие опасности и угрозы ждут Россию в только что начавшемся XX веке. Получив эти сведения, мой несчастный брат Николай тут же начал принимать первые и неотложные меры, но вскоре был убит злодеями, которых науськали на него подлые британцы. После его смерти бремя спасения России легло на мои плечи. И клянусь, что я сделаю для этого все, что в моих силах.

Теперь о ваших многолетних трудах, Константин Петрович, по сохранению самодержавия в России. Моему брату вы не раз говорили, что государство – это живой организм, который должен развиваться и расти. Но в то же время вы прикладывали все усилия для того, чтобы «заморозить» происходящие в стране общественные процессы и остановить их развитие. А остановка, как известно из Гегеля, является одной из форм смерти. Вот и русский государственный механизм от такого обращения вскоре захворал, и через какое-то время он окажется при смерти.

Известный вам господин Ульянов как-то сказал, что революции возникают тогда, когда «низы не хотят жить, как прежде, а верхи не могут хозяйничать и управлять, как прежде». Все эти признаки уже сейчас налицо. В ТОТ РАЗ от отчаяния мой брат пошел на поводу у либералов и завел в России парламент по французскому образцу, что еще больше усугубило ситуацию. Из случившегося не были сделаны надлежащие выводы, буржуазия зарабатывала капиталы, а дворянство будто сорвалось с цепи, проматывая деньги, полученные по закладным на имения.

Гром грянул через десять лет после вашей смерти в разгар тяжелой и изнурительной войны, когда все, что вы так усердно замораживали, вдруг растаяло и превратилось в жидкую грязь. Лишенная опоры Российская империя рассыпалась, словно карточный домик, и началась смута, которую можно сравнить только с Французской революцией, помноженной на Пугачевский бунт. В кровавом хаосе, в который вмешались мировые державы, погибли мой брат вместе со всей семьей, большая часть семейства Романовых, а также миллионы простых людей.

Но после того как отгремят бои, победившие в кровавой сваре радикальные социал-демократы начнут строить на руинах России свою Красную Империю. Наша страна так уж устроена, что на ее территории можно построить только империю и ничто другое. Их государство, опирающееся не на узкий круг дворянства или буржуазии, а на широкую народную поддержку, сумев решить задачи по ликвидации безграмотности и начав массовую индустриализацию, оказалось невероятно стойким и могучим. Уже через двадцать лет своего существования оно сумело

практически в одиночку разгромить вторгнувшиеся на территорию России возглавляемые Германией войска объединенной Европы и снова загнать их обратно, туда, откуда они пришли. Война была закончена в Берлине.

Победоносцев сидел в кресле белый, как мел. По его высокому лысому черепу ручьями стекал пот. Его испугало даже не то, что рассказал ему император, но то, как он об этом рассказывал – спокойным голосом, ни разу его не повысив.

– И что же теперь делать, ваше императорское величество? – тихо спросил он.

– Не вдаваясь в подробности, – ответил император, – скажу вам, Константин Петрович, что точного рецепта лечения болезни у меня нет. И в нашей государственной системе, и в той, что была у наших потомков в середине двадцатого века, и в той, что они имели у себя в веке двадцать первом – везде имеются свои достоинства и свои недостатки. Задача, которая стоит передо мной как императором, состоит в том, чтобы без смут, мятежей и массовых казней органично соединить положительные элементы всех трех систем, при этом избавившись от отрицательных.

– М-да, ваше императорское величество, – произнес Победоносцев, – и что же вы собираетесь заимствовать? Мне это, знаете ли, интересно в первую очередь как правоведа.

Император на некоторое время задумался.

– Наверное, – наконец сказал он, – в первую очередь нам как государству необходимо обрести самую широкую поддержку населения, улучшить его материальное положение и одновременно укрепить и реорганизовать правительство, сделав его деятельность более эффективной и ответственной. Не дело ведь, когда ветеринарный департамент находится в МВД, а погранохрана – в Минфине.

Нам требуется иметь четкое представление о деятельности власти на местах не только из отчетов губернаторов, но и из независимых источников. Подлог в отчетах, казнокрадство должны обнаруживаться и беспощадно караться.

В законодательной области требуется четко определить права и обязанности каждого сословия по отношению к государству. Право в Российской империи должно стать справедливым в отношении всех ее подданных.

В связи с этим нам придется что-то решать с дворянством, отменив указы, которые, к сожалению, принял в свое время мой батюшка, освободив дворян от обязательной военной службы и дав им льготы, которых они частично лишились во времена реформ моего деда Александра Второго. Некоторые привилегии необходимо сохранить только за теми из дворян, кто служит Российскому государству или уже отслужил положенное. Все остальные будут иметь как равные права, так и равные обязанности.

Немалых трудов потребуется для того, чтобы реформировать образовательные программы начальных, средних и высших учебных заведений. С одной стороны, они должны давать полноценное образование, а с другой – воспитывать молодежь всех национальностей и вероисповедания в истинно русском народном и патриотическом духе. Образование должно осуществляться по одинаковым программам на всей территории империи от Камчатки до Привислянских губерний, и от Мурмана до Кушки. Только так мы сможем в будущем избежать межнациональных и межрелигиозных распрей.

Все это и многое другое, что не относится к теме нашего сегодняшнего разговора, необходимо проделать в течение десяти лет, да так, чтобы в неприкосновенности сохранились три основы России: самодержавие, православие и народность, чтоб русские люди, поменяв косоворотки, плисовые штаны и смазные сапоги на городские костюмы, остались русскими, а не превратились бы в Иванов, родства не помнящих.

– Спасибо, ваше императорское величество, – сказал Победоносцев, поднимаясь с кресла, – я рад, что ошибся, подумав, что вы – сознательно или бессознательно – ведете Россию к краю пропасти. Над сказанным вами мне надо хорошенько подумать. Но уже сейчас я

могу обещать, что не буду препятствовать вашим реформам, и ни одна живая душа не узнает то, что вы мне сейчас рассказали. А теперь позвольте мне откланяться. От всего мною здесь услышанного мне стало что-то нехорошо...

Тамбовцев снял трубку внутреннего телефона и назвал номер.

– Сергей, – произнес он, – тут у нас Константин Петрович Победоносцев. Необходимо доставить его домой. Вези аккуратно, он себя неважно чувствует. Всё. Спасибо.

Император, подойдя к Победоносцеву, пожал ему руку и на прощание сказал:

– Ступайте, Константин Петрович, с Богом. Поправляйтесь. Авто вас уже ждет. А мы тут с Александром Васильевичем еще немного потолкуем.

***22 (9) мая 1904 года, полдень. Нью-Йорк.
Кошерный ресторан на Манхеттене***

Сегодня Джейкоб Генри Шифф, управляющий банка «Кун, Леб энд Компани», решил отправиться на встречу с человеком, о котором он раньше довольно много слышал, но с которым ему еще не доводилось встречаться лично. А человек этот был довольно известным.

Ведь кто не знает бывшего министра финансов Российской империи, а потом и председателя Комитета министров – Сергея Юльевича Витте? Кроме всего прочего, о нем очень хорошо отзывались те люди, которым Шифф был обязан буквально всем.

Именно семейство Ротшильдов оказало поддержку юному уроженцу Франкфурта-на-Майне, отправившемуся в поисках счастья и больших денег в далекие Североамериканские Соединенные Штаты. Именно Ротшильды свели Шиффа с главой банковского дома Соломоном Леебом, на дочери которого он вскоре женился и стал правой рукой своего тестя.

По просьбе Альберта Соломона Ротшильда, главы клана венских Ротшильдов, Шифф согласился встретиться с человеком, который еще совсем недавно был фактическим правителем России – страны, которую Джейкоб Шифф ненавидел всю свою жизнь. Он ненавидел ее не только за то, что в ней, по его мнению, евреи были ограничены в своих правах. Для давления на власти Российской империи, которую Шифф сравнивал с библейскими фараонами, державшими в рабстве несчастных евреев, он активно использовал свой авторитет и влияние среди американских банкиров, пытаясь перекрыть доступ России к получению внешних займов в САСШ и активно кредитуя Японию – ее главного противника на Тихом океане.

Но ставка на Страну восходящего солнца оказалась ошибочной. Во вспыхнувшей в начале этого года скоротечной войне Япония была наголову разбита, капитулировала и отказалась возвращать выданные ей под эту войну кредиты британских и американских банков. Русские же, победив в этой войне, отказались от стратегического союза с предавшей их Францией. Они выбрали себе других коммерческих партнеров – Германию, получив доступ к практически неограниченным источникам финансирования. Неведомым Шиффу образом в процессе этих перемен премьер-министр Витте, второе лицо в государстве, стал изгоем, который, в случае его появления в России, немедленно будет отправлен в ужасные сибирские рудники, где несчастных каторжан охраняют натасканные на людей белые медведи.

«Но ведь вчерашние враги могут стать сегодня лучшими друзьями, – подумал Шифф, – тем более что Альберт Ротшильд в своем письме охарактеризовал господина Витте как свое доверенное лицо и вполне надежного партнера». К тому же Витте был женат на еврейке Матильде Исааковне Лисаневич, в девичестве Нурок, что, по мнению Шиффа, служило неким хорошим знаком, доказывающим добропорядочность этого человека. Правда, супруга Витте вынуждена была принять православие, чтобы стать своей среди этих русских варваров, но Шифф понимал, что в душе она продолжала оставаться верной дочерью одного из колен Израиля.

Но Джейкоб ненавидел Россию не только из-за тех притеснений, которым его соплеменники подвергались в этой стране. Он помнил и о решении международной Берлинской конференции 1884 года, когда промышленно развитые европейские страны приняли решение: те страны мира, которые сами не могут освоить ресурсы, располагающиеся на их территории, или делают это слишком медленно, должны «открыться миру». А если они не хотят сделать это по доброй воле, то их нужно всеми возможными способами, вплоть до вооруженной силы, принудить к этому.

Одной из таких «недоразвитых» стран, как считал Шифф, была Российская империя. Силой сбить замок с крышки сундука, набитого драгоценностями, а именно таким сундуком, по мнению Джейкоба, и была Россия, считалось делом практически невозможным. Русская армия была сильна, народ любил свою страну, а печальная память о походе Великой армии Наполеона Бонапарта на Москву была еще свежа, несмотря на то что прошло уже почти сто лет. А тут еще новые победы русского оружия, которые только укрепили мнение политиков и военных всего мира о непобедимости России.

Англичане, решившие спасти положение путем убийства русского императора, жестоко просчитались. Последовавший за цареубийством дворцовый переворот закончился неудачей, и, вместо нерешительного Николая, на русский престол взошел его младший брат Михаил, жесткий и решительный патриот, ярый милитарист и к тому же нахватавшийся где-то радикальных социальных идей. События, в настоящее время происходящие в далекой России, настораживали и пугали. Ведь было ясно, что это только начало.

«Но если нельзя силой сбить замок, – думал Шифф, – то можно пойти другим путем – воспользоваться отмычкой. Все неприступные крепости обычно захватывались с помощью предательства. Неужели в России не найти таких предателей, которые помогли бы нам овладеть всеми ее богатствами? Именно Витте и поддерживающие его круги в российской элите и должны были стать такой отмычкой для Ротшильдов и Кунов-Лебов».

Шифф назначил встречу Витте в уютном кошерном ресторане в нижнем Ист-Сайде на Манхэттене. Там у него был отдельный кабинет, где можно было без помех переговорить с нужным человеком и заодно отведать рыбу-фиш, которую прекрасно готовил повар этого ресторана. Мистер Джейкоб любил, когда полезное совмещается с приятным.

Сергей Юльевич Витте оказался по-немецки пунктуален. Он пришел вовремя, минута в минуту. Видимо, вспомнив наставления своей супруги, он вежливо поздоровался с Шиффом, сказав ему «Шолом!», и сел за стол не снимая шляпы.

– Шолом и вам, мистер Витте, – ответил ему Шифф, с интересом посмотрев на своего гостя. Перед ним сидел грузный пожилой человек с седой бородой и усталым лицом. Но время от времени в его глазах вспыхивал огонек, который показывал Шиффу, что, несмотря на все передраги, Витте еще полон внутренней энергии и готов подраться за утерянную им власть.

«Ну что ж, – подумал Шифф, – так оно будет лучше. Если помножить его опыт и знания на мои деньги... Впрочем, как мне сообщили, деньги у него тоже еще есть. Но много денег никогда не бывает. Главное – их правильно вложить».

– Мистер Витте, – произнес Шифф, стараясь, чтобы в его голосе прозвучало участие, – в общих чертах Альберт Ротшильд сообщил мне о том, что происходит сейчас в России. Так же как и он, я готов выразить вам свое сочувствие в связи с гонениями, которые обрушились на вас и ваших друзей в этой варварской стране.

– Да, мистер Шифф, – ответил Витте, хмуро посмотрев на банкира, – для меня стало полной неожиданностью как моя внезапная отставка, так и те гнусные обвинения, которые предъявили мне палачи из какого-то непонятного «Главного управления государственной безопасности». Что это за учреждение такое странное? В бытность мою председателем Комитета министров Российской империи мне никогда не довелось о нем хоть что-либо слышать. А теперь в России об этой организации рассказывают ужасные истории.

Джейкоб Шифф сочувственно покачал головой,

– Мистер Витте, должен сказать вам, что я готов, не задумываясь, отдать миллион долларов тому, кто сможет мне объяснить тайну появления в Тихом океане эскадры адмирала Ларионова, а также все то, что связано с этим ужасным карательным органом, который уже сравнивают со средневековой инквизицией. Кое-какая информация по этим вопросам у меня уже есть, но она настолько невероятна, что мой ум просто отказывается в нее верить. Тут нужно как следует во всем разобраться.

Впрочем, разговор у меня с вами будет не только о ваших зловключениях. Мы с бароном Ротшильдом считаем, что еще не все потеряно. Нужный нам порядок в России можно восстановить. Новый император сумел подавить мятеж аристократов, которые попытались не позволить ему занять русский трон. Думаю, что делать ставку на новый дворцовый переворот не имеет смысла.

– Мистер Шифф, в этом вопросе я полностью с вами согласен, – кивнул Витте. – По имеющейся у меня информации, в дворцовых кругах и среди высших чиновников империи еще есть немало недовольных новым российским императором. Но большинство из них сейчас запугано до смерти и способно лишь на пассивное сопротивление.

Как мне кажется, царь Михаил начал чистку государственного аппарата от нелояльных ему чиновников. И вскоре среди тех, кто в России принимает хоть сколь-нибудь важные решения, не останется ни одного противника нового монарха. Аристократия же оказалась шокирована свирепостью и решительными действиями лично подотчетной императору госбезопасности, и в самое ближайшее время большая ее часть отправится в добровольную эмиграцию, продав свое недвижимое имущество. Меньшая же ее часть или прямо поддерживает императора Михаила, или же будет покорно наблюдать за его реформами, ограничившись лишь их осуждением в узком кругу.

Поэтому необходимо делать ставку на низшие слои общества. Новый русский император довольно умело использовал созданный при моей поддержке «Союз русских заводских и фабричных рабочих». Заменяя руководителя этой организации на своего человека, он, с помощью щедрых обещаний, красивых речей и жестов, сумел добиться от петербургских рабочих полного к себе сочувствия. Но рано или поздно эти реформы, как это у нас часто бывает в России, затухнут, и вслед за ними начнутся контрреформы. Народ увидит, что обещания, которые им щедро раздавал царь Михаил, так и останутся обещаниями. И тогда настанет наше время...

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Шифф. – Если речь идет о социалистическом движении в России, то я уже вложил в него немало средств. И у меня есть подходящие фигуры, которые могли бы его возглавить...

– Да, именно о социалистических радикальных группах и идет речь, – ответил Витте. – Надо сделать все, чтобы в России произошла революция, подобная той, которая началась в конце позапрошлого века во Франции. Да, тогда во время якобинского террора и смуты погибли десятки тысяч французов, но общество в целом выиграло. В итоге принятые Наполеоном Бонапартом законы утвердили незыблемость основного принципа любого цивилизованного государства – священного права частной собственности. Управлять государством стали те, кто имеет на это право – люди, чье состояние измеряется суммой с множеством нолей. А для плебса была создана иллюзия того, что именно он является высшей властью. Пусть он участвует в выборах, надрывая глотку агитирует за того или иного депутата. Власть была и будет в руках тех, кто ее заслуживает.

– Я тоже так считаю, – задумчиво произнес Джейкоб Шифф. – В своем письме ко мне Альберт Ротшильд рассказал, что он часто играет в шахматы в венском кафе «Централ» с одним политэмигрантом из России. Молодой человек два года назад бежал из ужасной сибирской ссылки, вынужденный оставить в дикой тайге молодую жену с двумя маленькими девоч-

ками. Впрочем, он быстро утешился и женился год назад на одной приятной во всех отношениях даме.

Барон познакомился с этим молодым человеком еще в прошлом году в Базеле, в то время, когда там проходил VI Сионистский конгресс. Зовут этого молодого человека Лейба Бронштейн. Среди своих товарищей по партии он известен как Лев Троцкий. По происхождению он – сын состоятельного еврейского торговца зерном, проживающего где-то на юге России. Вы ничего не слышали раньше об этом человеке?

– Нет, мистер Шифф, мне он неизвестен, – ответил Витте. – А каковы его политические взгляды?

– Как я понял из письма барона Ротшильда, – сказал Джейкоб Шифф, – до недавнего времени он считался членом социал-демократической партии России и сотрудничал с печатным органом этой партии, газетой «Искра». Но сейчас он примкнул к группе Израиля Гельфанда, который успешно сочетает политическую деятельность с бизнесом. И надо сказать, что это получается у него вполне успешно.

Барон Ротшильд пишет, что Бронштейн – неплохой оратор, умеющий зажечь толпу, и талантливый журналист. К тому же он беспринципен и чудовищно честолюбив. Для него главное в жизни – это власть. И добиваться ее он будет любой ценой, не жалея тех, кто поверит его словам и пойдет за ним.

– В таком случае, – задумчиво сказал Витте, – мне кажется, что это именно тот, кто нам нужен. Мы поможем этому молодому человеку отобрать власть над чернью у его бывших соратников. Если ему нужны деньги – мы найдем их для него. Ведь, как я понял, барон готов ссудить этого человека необходимыми суммами для ведения антиправительственной деятельности в России.

– Это так, – ответил Шифф, – деньги мистер Бронштейн получит, причем кредит будет неограниченным. Мы снабдим его не только деньгами, но и оружием, а также обеспечим ему необходимую информационную поддержку. Все газеты мира будут рассказывать о несгибаемом борце с самодержавием «товарище Троцком», который смел, гениален и готов отдать жизнь за счастье всех бедных и голодных на Земле.

– Ну, если это так, то я готов помочь этому господину всеми возможными способами, – с улыбкой произнес Витте. – Было бы желательно лично встретиться с ним для того, чтобы договориться о сотрудничестве и получить определенные гарантии.

– Думаю, что это возможно, – кивнул Джейкоб Шифф, – я сегодня же pošлю телеграмму барону Ротшильду и предложу ему отправить мистера Бронштейна в Нью-Йорк для встречи с нами. Думаю, что он, как умный человек, поймет, о чем с ним будут здесь говорить. Так что в самое ближайшее время мы с ним встретимся здесь.

– А пока, – тут Шифф изобразил на своем лице радушную улыбку, стараясь выглядеть гостеприимным хозяином, – мистер Витте, я хочу предложить вам отведать этот прекрасный чулент – говядину, запеченную с ячменной крупой и фасолью, картофельный цимес и фаршированную щуку. Здесь их очень хорошо готовят...

23 (10) мая 1904 года, 11:15.

Санкт-Петербург. Зимний дворец.

Готическая библиотека

Декан горного отделения Томского технологического института Владимир Афанасьевич Обручев проделал немалый путь из Томска, в котором он проживал с 1901 года, до Санкт-Петербурга. Причиной этого вояжа было доставленное фельдъегерем приглашение на аудиенцию, подписанное императором Михаилом II, с приложенным к нему оплаченным билетом 1-го класса с открытой датой. Между прочим, этот вызов к императору вызвал немалый переполох

лох в широких кругах либерально настроенной томской профессуры. Как же, новый император всего за какой-то месяц с небольшим своего правления сумел снискать себе в широких кругах местной интеллигенции славу: тирана, деспота, солдафона, держиморды и душителя свободы. Коллеги провожали в путь Владимира Афанасьевича с плохо скрытой печалью, словно покойника в последний путь. Не хватало только катафалка и духового оркестра, исполняющего похоронный марш.

Сам же профессор Обручев отнесся к этому приглашению по-философски спокойно. Раз зовут – значит нужен. И не ему, человеку, исходившему в экспедициях нехоженными тропами половину Азии, бояться вызова к высокому начальству.

Быстро собрав немудреный дорожный скарб и попрощавшись с женой и сыновьями, профессор сел в скорый поезд Томск – Москва, отправившись навстречу неизвестности. Неделя пути по железной дороге через половину России с пересадкой в Москве пролетела для Владимира Афанасьевича почти незаметно. Петербург встретил его мелким весенним дождиком, мывшим мостовые, что показалось Обручеву добрым знаком.

Все действительно с самого начала складывалось для него удачно. Профессора на Николаевском вокзале уже ждали. Один из адъютантов нового императора, симпатичный и вежливый молодой человек, штабс-капитан Николай Бесоев пригласил его в автомобиль и довез до гостиницы «Европейская» на углу Невского проспекта и Михайловской улицы. Оставив в номере свой багаж, Обручев, наскоро приведя себя в порядок, в сопровождении штабс-капитана Бесоева сразу же отправился в Зимний дворец к императору. Николай Арсентьевич сказал ему, что у государя к профессору Обручеву имеется весьма неотложное дело.

Дорогой Владимир Афанасьевич незаметно приглядывался к своему спутнику. Он пришел к выводу, что штабс-капитан чин свой выслужил не сидением в канцеляриях, а в бою. Несмотря на свою молодость, он уже был награжден Георгием IV класса и Владимиром с мечами. В тиши канцелярии военного министерства таких наград не заработаешь.

В Зимнем дворце профессор в сопровождении штабс-капитана без лишней суеты и вопросов прошел через все караулы напрямик в Готическую библиотеку, где император Михаил Александрович устроил что-то вроде кабинета. Именно там и состоялась аудиенция.

– Здравствуйте, ваше императорское величество, – произнес неожиданно оробевший профессор, смутившись при виде сидящего за столом и со всех сторон обложенного книгами и справочниками «хозяина земли русской».

Император Михаил, услышав приветствие Обручева, оторвался от чтения и, подняв голову, провел ладонями по лицу, чтобы согнать с него усталость.

– Здравствуйте, Владимир Афанасьевич, – сказал он, – я очень рад вас видеть. Как вы доехали, надеюсь, благополучно?

– Спасибо, ваше императорское величество, – ответил Обручев, – доехал я без приключений, так что грех жаловаться.

– Ну, вот и отлично, – кивнул император, убирая в ящик стола бумаги, над которыми он только что работал, и жестом приглашая профессора присесть на стул.

Потом он посмотрел на штабс-капитана Бесоева:

– Присаживайся и ты, Николай. Твое присутствие не будет здесь лишним...

– А поговорить я хотел бы с вами, Владимир Афанасьевич, – начал свой разговор император, – вот о чем. Речь пойдет об исследовании, нанесении на карту и подготовке к разработке природных богатств Якутской области, самой обширной и самой слабозаселенной территории Российской империи, для чего в настоящее время создается Особое Якутское горно-геологическое управление, начальником которого я хочу назначить вас, Владимир Афанасьевич. Подчиняться вы будете напрямую мне и никому более.

– Ваше величество, – удивленно сказал профессор Обручев, – прошу прощения за любопытство, но какие такие богатства вы хотите разыскать в этом пустынном, холодном и безлюдном краю?

– Вы мне не поверите, Владимир Афанасьевич, – усмехнулся император, – но мы бы и еще сто лет не лезли в этот «всероссийский холодильник», если бы точно не знали, что в недрах Якутии находятся такие богатства, о которых никто и слыхом не слыхивал. Они настолько велики, что с началом их добычи окупятся любые затраты.

Обручев молча слушал императора. С его точки зрения, Михаил вел себя как-то странно. И еще эта загадка с Якутской областью. Ведь, действительно, это самый настоящий всероссийский холодильник, где нет и не может быть ничего, кроме редких лесов, вечной мерзлоты и бескрайней тундры. Но при этом император знает что-то такое, что заставляет его смело говорить о несметных богатствах этого пустынного края.

– Я сумел заинтриговать вас, Владимир Афанасьевич? – с усмешкой спросил император Михаил и, посмотрев на штабс-капитана Бесоева, велел ему: – Николай, дай, пожалуйста, ту карту...

Штабс-капитан встал, подошел к одному из книжных шкафов и взял с полки большую, в несколько раз сложенную карту, которую расстелил на столе перед профессором и императором.

– Не буду больше ходить вокруг да около, – сказал Михаил, – а поясню суть дела. Самое главное богатство Якутии, которое нам следует найти, – это коренные алмазоносные кимберлитовые трубки...

– Кимберлитовые трубки?! – удивленно воскликнул Обручев. – В Якутии?! Но это же нонсенс! Их там нет и не может быть!

– А вот тут вы не правы, Владимир Афанасьевич, – усмехнулся император. – Нам достоверно известны координаты как минимум пяти кимберлитовых трубок, находящихся в самой глухой и малоизученной западной части Якутской области. Кроме самих трубок, поблизости от них, в речных долинах, весьма возможны залежи алмазоносных песков, образовавшихся за много миллионов лет в результате выветривания коренных кимберлитовых пород.

– Интересно, интересно, – удивленно произнес Обручев, склонившись над картой и покачивая головой, – не буду спрашивать, откуда вам, ваше величество, доподлинно известно все это. Но не думаю, что меня вызвали из Томска в Петербург лишь затем, чтобы просто поморочить мне голову. Что ж, алмазы так алмазы. Если там действительно найдутся кимберлитовые трубки, то это будет открытие, которое всколыхнет весь мир. Только вот места, указанные на вашей карте, действительно весьма и весьма труднодоступны...

– Алмазы – это только половина дела, – произнес император, – хотя и самая первоочередная и неотложная его часть. Второй вашей задачей будет разведка и проектирование железнодорожной трассы, способной связать город Якутск с Транссибирской магистралью. Без железной дороги мы будем в тех краях не хозяевами, а лишь гостями. В настоящее время железная дорога в Восточной Сибири доходит только до станции Сретенск. До поселка Сковородино, насколько я понимаю, все проектно-изыскательские работы по будущей ветке Транссибирской магистрали уже произведены. От Сковородино дорога должна повернуть на север и пройти через Тынду, Нерюнгри, Куранах и далее до Якутска. Общая протяженность трассы составит не менее тысячи шестисот верст.

– Простите, ваше величество, – недоуменно спросил Обручев, – а почему именно так, а не иначе?

– Видите ли, Владимир Афанасьевич, – ответил император, – в районе Нерюнгри имеются мощнейшие угольные месторождения, причем лежащие почти у самой поверхности, что делает возможным разработку их простейшим карьерным способом. Как вы понимаете, уголь – это хлеб для нашей промышленности и транспорта. Разработка этого месторождения резко

подстегнет развитие всей индустрии Восточной Сибири. Там же рядом, словно нарочно, имеется и месторождение железных руд. Что же касается Куранаха, то в том районе тоже имеются коренные месторождения, только не алмазные, а золотые. Золото для нашей империи также будет совсем не лишним. Так что вы уж постарайтесь...

– Я сделаю все, что в моих силах, ваше величество, – сказал Обручев, – но, по правде говоря, вы меня весьма и весьма заинтриговали. Вы говорите об этих самых месторождениях с такой уверенностью, как будто сами там были и видели их собственными глазами. Но я знаю, что это не так, и сейчас меня терзают смутные сомнения, и есть ощущение, что я прикоснулся к какой-то большой тайне.

– Владимир Афанасьевич, – император пристально посмотрел в глаза профессора, – вы правы, за всеми моими словами кроется огромная тайна. А потому не каждый может быть в нее посвящен. Вы, как я знаю, достойны, чтобы прикоснуться к ней. Только запомните – после этого вы окажетесь навечно связанным обетом молчания, чтобы вольно или невольно не нанести ущерб интересам нашей Отчизны.

С другой стороны, вам откроется много нового, доселе никому не известного. В том числе вы узнаете о научных открытиях, о новых представлениях о геологии и строении нашей планеты. И мы совсем не будем против, если эти знания в научном мире отныне будут связанными с вашим именем. Секретен только источник информации, а не сами знания. Вы это заслужили своими предыдущими трудами на благо нашей державы. Решайтесь.

– Хорошо, ваше величество, – после недолгого раздумья сказал Обручев, – если это поможет развитию науки и пойдет на пользу России и нашему народу, то я согласен на все ваши условия.

– Вот и замечательно, – сказал император, – сейчас вы вместе с Николаем Арсентьевичем проедете в «Новую Голландию», где вас посвятят в суть этой самой великой тайны. После чего вы, на основании полученной вами информации, должны будете составить план изыскательских работ с точным расчетом на ближайший сезон, включая потребность в людях, приборах и необходимом финансировании. Через трое суток я жду вас снова здесь со всеми вашими расчетами. А пока до свидания...

Профессор Обручев вышел из Готической библиотеки навстречу своей судьбе, еще не успев окончательно прийти в себя от обилия информации, обрушившейся на него во время аудиенции с императором. Он даже и не подозревал о том, что ему еще предстоит узнать в самом скором времени...

25 (12) мая 1904. Швейцария. Базель.

Статья в газете швейцарских социал-демократов «Volksrecht» («Народное право»)

Чудовищное предательство, или Как Ленин продал душу коронованному палачу

Итак, свершилось! Человек, который долгие годы был моим другом и соратником, продал свои идеалы революционера и пошел в позорное услужение к царю. Произошло то, что часто бывает с партийными бонзами, – они ради карьеры и высокого жалования отказываются от борьбы за счастье народа и предают тех, кто им доверял и безропотно под конвоем шел на каторгу, а порой – и на эшафот, где отдавали свои жизни за будущую мировую революцию.

Таким предателем оказался Владимир Ульянов, известный также в кругах российской и международной социал-демократии как «товарищ Ленин». Только теперь он уже никакой не товарищ. Он стал «господином Ульяновым», министром при дворе душителя свободы и коронованного палача императора Михаила II. Нас, истинных революционеров, абсолютно не

интересуют причины, по которым этот ренегат оказался в одной компании с погромщиком Плеве и сатрапом и душегубом Дурново. Но факт остается фактом – мы стали свидетелями самого мерзкого зрелища, которое может вызвать только отвращение у подлинных борцов за свободу и справедливость.

В числе негодяев, последовавших вслед за бывшим «товарищем Лениным», оказался и один из представителей социал-демократического движения Грузии, некто Иосиф Джугашвили. Как сообщили мне грузинские товарищи, еще во времена его нахождения в Батуме и Тифлисе, он был уличен ими в сотрудничестве с царской охранкой. Так что его грехопадение вполне закономерно. Он был пригрет главой новой «Тайной канцелярии», новым «Малютой Скуратовым» – господином Тамбовцевым, и стал тем самым козлом-провокатором, который привел доверившихся ему рабочих к порогу Зимнего дворца, где припал губами к хозяйской туфле и выразил свое почтение брату того, кого покарала рука народных героев. И это в то время, когда русские рабочие должны были начать бескомпромиссный штурм устоев самодержавия, и в ходе кровопролитной борьбы с царизмом брать один бастион самодержавия за другим, во имя торжества мировой пролетарской революции! Массы созрели для этого, но в самый решающий момент они оказались преданными своими вождями.

Теперь я вижу, что дело мировой революции в России находится в опасности. Нет прощения и оправдания тем, кто предал идею, за которую шли на казнь народовольцы, отправлялись в Сибирь на каторгу революционеры, подвергались преследованиям полиции те, кто находил в себе силы подать голос против произвола царизма.

Я призываю всех истинных социал-демократов решительно порвать с изменниками и предателями, примкнувшими к господам Ульянову и Джугашвили, и дать им решительный бой. Эти ренегаты стали врагами мировой революции, и с ними необходимо поступить так, как поступают с царскими сатрапами и палачами.

Российскому пролетариату необходимо подняться на борьбу с самодержавием. Надо начать забастовки, в ходе которых экономические требования должны перейти в требования политические. Мускулистая рука рабочего свергнет прогнившее самодержавие и зажженный факел народной свободы понесет по всему миру. Грянет очистительная буря, которая сметет с лица земли все эксплуататорские классы. Народные правительства, созданные в странах, освобожденных от гнета капитала и тирании, протянут друг другу руки, приветствуя своих братьев по классу. Весь мир насилия будет разрушен до основания! Кто был ничем – станет всем!

Начнем же, товарищи, решительный и окончательный штурм насквозь прогнившего самодержавия! Мировая революция победит окончательно и бесповоротно! Вперед, друзья, на бой кровавый, святой и правый!

*Александр Парвус,
член Российской социал-демократической партии*

**27(14) мая 1904 года, вечер.
Санкт-Петербург. Новая Голландия.
Глава ГУГБ Тамбовцев Александр Васильевич**

Сегодня я встретился и имел беседу со своим старым знакомым, генералом Ширинкиным. Встретились, посидели, поговорили. О чем? – спросите вы. А о чем еще могут разговаривать двое пожилых мужчин? Конечно, о дамах, как же нам обойтись без этой темы...

Впервые мы заговорили о прекрасном поле еще месяца полтора назад. Все дело заключалось в том, что вместе со мной из Порт-Артура в Питер приехали спецназовцы и технический персонал для обслуживания нашей боевой техники и аппаратуры связи. Все парни в своем

большинстве молодые и здоровые, со всеми положенными рефлексами, у которых длительное отсутствие в шаговой доступности женского общества вызывало определенный дискомфорт.

Я прекрасно понимал, что «основной инстинкт» – штука серьезная, но не делать же мне из наших орлов евнухов. В то же время мне бы не хотелось спустить все на тормозах и закрыть глаза на предполагаемые самоволки, дав возможность страждущим от длительного воздержания знакомиться с разного рода девицами легкого поведения. Во-первых, так называемую «медовую ловушку» изобрели уже давно, и подобные случайные связи чреваты утечкой совершенно секретной информации. Во-вторых, существовал очень серьезный риск заражения разными трудноизлечимыми в этом времени нехорошими болезнями. В-третьих, большинство из наших парней с брезгливостью относятся к подобным «потворенным» дамам полусвета, а значит – будут искать себе приключений совершенно в других слоях общества, что тоже чревато.

Евгений Никифорович, с которым я обсудил создавшуюся ситуацию, понимающе покачал головой, похмыкал и пообещал по возможности помочь. Не прошло и месяца, как он сдержал слово, и с недавних пор в штате обслуживающего персонала «Новой Голландии» появилось десятка два новых вольнонаемных сотрудниц – горничные, официантки, работницы на кухне. Все они, как на подбор, были молодыми, симпатичными и бойкими. Они довольно охотно отвечали на ухаживания наших парней, при этом ведя себя достаточно пристойно, а не вульгарно, как обычно ведут себя барышни с Коломны и других значных мест Петербурга.

Евгений Никифорович заверил меня, что все эти девицы достаточно образованны, прошли тщательнейшую проверку, и среди них нет ни больных, ни неблагонадежных, в плане вербовки их вражескими спецслужбами или революционерами. Впрочем, насчет того, будут ли эти девушки информировать самого Евгения Никифоровича обо всем, происходящем у нас, решительно ничего сказано не было. Но, как бы то ни было, стараниями начальника Дворцовой полиции эта проблема была решена.

Правда, на этот раз я беседовал с генералом Ширинкиным о дамах с, так сказать, производственной точки зрения. Но давайте обо всем по порядку...

Сегодня ко мне в «Новую Голландию» с утра пораньше примчались два наших «вождя» – Ленин и Коба. Оказывается, вчера им на глаза попалась довольно мерзкая статейка, которую тиснул в газете швейцарских социал-демократов *Volksrecht* некто Александр Львович Парвус – он же Израиль Лазаревич Гельфанд. Статья эта имела длинное и хлесткое название: «Чудовищное предательство, или Как Ленин продал душу коронованному палачу».

К тому моменту, как мы встретились, я уже имел возможность познакомиться с этим пасквилом. В Европе у нас уже были люди, ранее работавшие там по линии заграничной резидентуры Охранного отделения, задачей которых было отслеживать все публикации, касающиеся России, делать вырезки и с первым же курьерским поездом отправлять их в Санкт-Петербург.

Скажу сразу – статья сия была довольно гнусной, полной грязных обвинений в отношении как Ленина, так и Кобы. В ней Парвус клеймил позором и нехорошими словами Ильича за его «предательство идеи мировой революции» и за «пресмыкательство перед кровавым самодержавием». Досталось и нашему Сосо – Гельфанд-Парвус назвал его агентом охраны и «целователем царской туфли». Меня тон и содержание статьи этой «акулы пера» совершенно не удивили. Нечто подобное в нашем времени в большом количестве можно было обнаружить в различных изданиях, принадлежащих к так называемой «свободной прессе», старательно отрабатывающей забугорные гранты.

Я отнесся к этой мерзости совершенно равнодушно. Собака лает – караван идет. Но вот Ленин и Коба, прочитав эту самую статью и не имея нашего иммунитета к печатному дерьму, разозлились не на шутку.

Если Ильич стал картавить больше, чем обычно, и употребил в разговоре несколько специфических выражений из лексикона симбирских извозчиков и волжских бурлаков – сказать

честно, подобного я от него не ожидал, то товарищ Коба просто пылал гневом. На полном серьезе он заявил мне о том, что немедленно отправится в Базель, где самолично выпустит кишки этому «маймуно виришвилу». Тем более что, как сказал Коба, в Базеле он уже был и с тамошними порядками знаком.

Я попытался успокоить наших товарищей, но они оба еще довольно долго кипели благородным гневом, возмущались и грозили Гельфанду и его сторонникам самыми страшными карами. Дав им выпустить пар, на что понадобилось минут десять, я наконец остановил их словоизвержения, после чего мы вместе стали думать – как нам лучше отреагировать на этот выпад Парвуса, за которым, как нам уже было известно, явственно вырисовывалась фигура куда крупного калибра.

– Мне довелось иметь с ним дело, – задумчиво сказал Ленин, – он сотрудничал с «Искрой». Парвус – умный человек, но абсолютно беспринципный. Он хочет совершить революцию, поднять народ против богатых. Но в то же время сам мечтает при этом разбогатеть. Он не гнушался никакими средствами. Помнится, в 1902 году в Германии Парвус, будучи литературным агентом писателя Горького, обокрал Алексея Максимовича, присвоив деньги, полученные в качестве гонорара.

– Кстати, – добавил я, – в конечном итоге мечта этого мерзавца разбогатеть сбылась. Правда, Парвус к тому времени, как это часто случается с подобного рода деятелями, успел превратиться в полного подонка. Причем подонка весьма циничного. Он так и говорил о себе: «Я – царь Мидас, только наоборот: золото, к которому я прикасаюсь, делается навозом».

– Вы полагаете, что эту статью Парвус написал за деньги? – поинтересовался уже успокоившийся Коба. – Только вот кто ему за это заплатил?

– А тот, кому все происходящее сейчас в России не нравится, – ответил я. – Надеюсь, вам не надо объяснять – кто именно мечтает устроить новую Смуту на Руси и не жалеет для этого ни сил, ни средств.

– Вы имеете в виду господ Ротшильдов? – прохаживаясь по моему кабинету, спросил Ленин. – Думаю, что и в самом деле все обстоит именно так. С агентами этих венских и парижских банкиров Парвус поддерживал весьма тесные и, очевидно, выгодные отношения. Да и близкие к ним американские банкиры тоже давали ему немалые суммы на агитацию за свержение самодержавия в России. Нам в «Искре» от них тоже, гм... – тут Ильич замялся, – ну, одним словом, эти толстосумы денег не жалели.

– По нашей информации, – произнес я, – кроме Ротшильдов, Парвус сотрудничает с американским банкирским домом «Кун, Леб энд компани», а точнее, с его главой, Джейкобом Шиффом. Похоже, что и в этот раз он снова получил от Шиффа солидную сумму для того, чтобы раздуть в России «мировой пожар в крови». Вертелись вокруг этого «гешефтмахера от революции» и другие темные личности.

Но нам сейчас надо установить точно – кто именно начал кампанию по вашей, Владимир Ильич, дискредитации, и обвиняет вас, Иосиф Виссарионович, в связях с охранкой. А установить сие будет возможно лишь тогда, когда Израиль Лазаревич из базельского кафе, где он пьет кофе с круассанами, переберется сюда, в «Новую Голландию», в камеру внутренней тюрьмы, к кружке кипятка с ломтем черного хлеба. Вот тогда-то мы и сможем развязать ему язык.

– Если бы такое случилось, Александр Васильевич, – оживился Ленин, – то это было бы просто архизамечательно! Только как это все сделать? Впрочем, – тут Ильич, видимо, вспомнил свои недавние швейцарские приключения, – мне кажется, что вашим людям – таким, как милейший Николай Арсентьевич, – можно поручить и не такое трудное задание. Я не сомневаюсь, что они справятся с ним блестяще.

– Владимир Ильич, – серьезно сказал я, – вы – единственный из здесь присутствующих, кто лично знает этого прохвоста Парвуса. Скажите, пожалуйста, есть ли у него какие-нибудь

слабости? Я имею в виду не только деньги, но и то, на какую наживку его можно было бы поймать?

– Александр Васильевич, – ответил мне Ленин после недолгого размышления, – Парвус – большой любитель разных амурных утех. Чтобы добиться благосклонности какой-нибудь красотки, он готов буквально на всё. Мы ему за это даже не один раз пеняли, но он лишь смеялся, заявляя, что жизнь, дескать, одна, и надо ее прожить в свое удовольствие.

«Гм, – подумал я, – “медовая ловушка”... Правильно говорил один персонаж знаменитого телесериала: “Бабы и водка доведут до цугундера...” Ну что ж, надо будет переговорить с Евгением Никифоровичем Ширинкиным, он найдет подходящую кандидатуру, которая станет наживкой для сластолюбивого Парвуса».

После того разговора с Лениным и Кобой я по телефону договорился о встрече с генералом Ширинкиным. Тот сразу понял, о чем идет речь, и пообещал подобрать мне соответствующую даму с подходящей фигуркой и тем, что мужчины называют шармом, которая гарантированно вскружит голову Израилю Лазаревичу. Причем сделать он это обещал в самое ближайшее время.

Ну, а я стал готовиться к спецоперации. Похоже, что Николаю Арсентьевичу и кое-кому из его орлов предстоит еще одна заграничная командировка...

29 (16) мая 1904 года, 10:05.

Санкт-Петербург. Зимний дворец.

Готическая библиотека

Присутствуют: император Михаил II; начальник ГАУ генерал-майор Белый Василий Федорович; начальник МТК контр-адмирал Григорович Иван Константинович

– Здравствуйте, господа, – сказал император вошедшим в его кабинет военным, – проходите, присаживайтесь, и давайте приступим к деловому разговору. Должен вам сообщить, что положение, при котором армия и флот действуют отдельно сами по себе, без всякого между собой согласования, является недопустимым и должно быть исправлено в самые кратчайшие сроки. Осуществляемое сейчас объединение военного и морского ведомств в единое министерство обороны послужит именно этой задаче. Ввиду отсутствия в настоящее время подходящих кандидатур, обязанности министра обороны я взял на себя. По крайней мере, на ближайшее время, а там будет видно.

– Ваше императорское величество, – поинтересовался генерал Белый, – неужто у нас не нашлось подходящих генералов, пригодных стать министром обороны? И вам, самодержцу, придется взвалить на себя эту ношу?

– Увы, не нашлось, Василий Федорович, – ответил император, – двадцать пять лет мирной жизни привели у нас к тому, что генералов у нас вроде много, а по факту командовать войсками некому. Михаил Иванович Драгомиров, он, конечно, военный гений, но его нелюбовь к скорострельному оружию и военным играм довели нашу армию до того, что наши старшие офицеры и генералы, прошедшие при нем полный курс Николаевской академии Генерального штаба, совершенно не представляют себе, как именно необходимо руководить войсками в условиях современной войны.

Нет у наших генералов и понимания того, какие силы и средства нужны для решения тех или иных боевых задач. Да вы и сами должны бы знать, по Порт-Артурским делам, как у нас обстоят дела с генералами, да и не только с ними. Адмиралы мирного времени оказались тоже не у дел. Таких, как адмиралы Старк и Ухтомский, генералы Стессель, Фок и Смирнов, уже

не исправить. Смену им необходимо как можно скорее воспитать из нынешних штаб, и даже обер-офицеров, проявляющих таланты и рвение по службе.

– Ваше императорское величество, – спросил адмирал Григорович, – даже с учетом всего вами сказанного, не совсем понятно, – а так ли необходимо объединять ведомства? Ведь у армии и флота совершенно разные задачи.

– Задачи, Иван Константинович, – ответил император, – может быть, и разные, но и армии и флоту следует помнить одно: их назначение – защищать Россию. Именно это и диктует необходимость взаимодействия между двумя родами войск – сухопутной армией и военно-морским флотом. А то до сих пор у нас получалось, как говорят в народе – кто в лес, кто по дрова. У армии свои планы, у флота свои, а в результате правая рука не ведала, что делает левая. Скажите спасибо адмиралу Ларионову и полковнику Бережному за то, что они фактически выиграли за нас и для нас эту войну с Японией. А то хлебнули бы мы горя с этой нашей флотско-армейской неразберихой.

– Так все же, ваше императорское величество, – спросил генерал Белый, – кто теперь кому подчиняется – армия флоту или флот армии?

– Вы будете подчиняться лично мне, – отчеканил император, – а вот на местах мы будем смотреть, исходя из поставленных задач. Но сейчас главное совсем не это. В первую очередь нам необходимо определить – какие силы и средства будут необходимы для достижения тех или иных целей.

Начнем с полевой армейской артиллерии, где вашим предшественником, великим князем Михаилом Николаевичем, было принято авантюрное, не побоюсь этого слова, решение о приеме на вооружение единой скорострельной пушки трехдюймового калибра, имеющей единый же, на все случаи жизни, шрапнельный боеприпас. Вам уже наверняка известно, что по опыту боев в Корее эта пушка оказалась не способной поражать противника, укрытого даже за самыми простейшими оборонительными сооружениями, и что устаревшая четырехфунтовая пушка, в смысле фугасного действия ее гранат, показала себя выше всяких похвал?

– Мне это известно, ваше императорское величество, – кивнул генерал Белый, – и что из того следует?

– А то, Василий Федорович, – произнес император, доставая из ящика стола расчерченный лист бумаги, – что нашей армии необходимо полевое орудие именно калибром в три с половиной дюйма. Точнее, сперва нам с вами необходимо определиться с единой для армии и флота сеткой калибров и единым стандартом для применяемых боеприпасов. Должна существовать возможность стрелять одним и тем же снарядом и из сухопутных, и из морских орудий.

Да, я знаю, что в сухопутной артиллерии, за исключением крепостной, современные орудия калибра крупнее трех дюймов отсутствуют. На вооружении до сих пор находятся пушки образца 1877 года с совершенно недостаточной на настоящий момент дальностью стрельбы и фугасной мощностью снаряда. Тем проще нам будет воссоздать крупнокалиберную армейскую полевую и осадную артиллерию, основываясь на уже имеющихся на флоте калибрах.

Сетка калибров должна выглядеть следующим образом. Чисто армейский легкий полевой калибр в три с половиной дюйма. Длина ствола – двадцать пять – тридцать калибров. Максимальный угол возвышения – двадцать пять градусов, углы горизонтальной наводки – по тридцать градусов в обе стороны от директрисы. Не удивляйтесь, Василий Федорович, когда будете в «Новой Голландии», поинтересуйтесь у штабс-капитана Бесоева – я предупрежу его, – чтобы он предоставил вам все необходимые материалы. Вы увидите, как все просто и удивительно. Заряжание унитарное. Снаряды: осколочно-фугасная граната, шрапнель, дымовой, броневой.

– Ваше императорское величество, – не утерпев, спросил генерал Белый, – а для чего полевой пушке броневой снаряд?

– А для того, Василий Федорович, – ответил император, – что уже во время войны англичан с бурами в Южной Африке в боевых действиях стали активно применяться бронированные поезда. Чем наши артиллеристы должны стрелять по таким вот сухопутным броненосцам? Шрапнелью?

– Понятно, – кивнул Белый, занося сказанное императором в свою записную книжку, – и куда только катится этот мир?

– Мир катится к большой войне, – серьезно сказал император, – запомните, господа, что вне зависимости от заключенных союзов и политических комбинаций, в которых участвует Россия, большая война в Европе неизбежна. Нападение на нас Японии было только первым звонком. Дело в том, что к началу XX века вся территория планеты, за исключением только пока еще никому не нужной Антарктиды, полностью поделена между великими державами.

Все дальнейшие приращения подконтрольных территорий теперь возможны лишь за счет передела этих территорий, в том числе и за наш счет. Это в том случае, если мы окажемся слабы в военном и экономическом отношении. Кстати, пока не забыл, Василий Федорович. Причисление пулеметов к легкой скорострельной артиллерии – неверное решение. Пулемет – это оружие непосредственной огневой поддержки пехоты и кавалерии, и в бою он должен находиться в боевых порядках, а не в составе артиллерийских батарей. В связи с этим вашему ведомству поручается разработать для пулеметов легкий разборный полевой станок, вместо используемого сейчас артиллерийского лафета.

– Сделаем, – кивнул генерал Белый. – Будут ли еще какие-либо указания, ваше императорское величество?

– Объявите среди инженеров конкурс, – сказал император, – народ наш обилен талантами, так что недостатка в проектах не будет. Нам же останется выбрать из них наилучший.

Теперь, господа, давайте вернемся к артиллерии... Следующий калибр – четыре дюйма, общий для флота и армии. Требования к тяжелому полевому орудью аналогичны требованию к легкой пушке калибром три с половиной дюйма. Только длина ствола должна быть уменьшена до двадцати – двадцати пяти калибров, а максимальный угол возвышения увеличен до сорока градусов. В конструкции необходимо предусмотреть возможность как унитарного, так и раздельного заряжания. На флоте орудие данного калибра должно идти на вооружение минно-артиллерийских кораблей третьего ранга, от шестисот до двух тысяч тонн водоизмещением. Длина ствола – пятьдесят – шестьдесят калибров. Максимальный угол возвышения – двадцать пять – шестьдесят градусов. Заряжание только унитарное. Снаряды: осколочно-фугасная граната, шрапнель, дымовой, осветительный, бронебойный...

– Ваше императорское величество, – спросил Григорович, – а как же трехдюймовые противоминные пушки Канэ?

– Пора о них забыть, Иван Константинович, – ответил император, – водоизмещение миноносцев быстро растет, и уже сейчас эти пушки не способны топить корабли с водоизмещением триста пятьдесят – четыреста тонн. Дальше водоизмещение миноносцев будет только увеличиваться.

К примеру, вы же знаете, что «Адмирал Ушаков» в эскадре Ларионова считается миноносцем, хотя своими размерами превосходит все наши крейсера первого ранга. Так что имейте в виду, то, что мы с вами сейчас планируем – это на перспективу. И от наших удачных или не очень удачных решений зависит будущее армии и флота. Трехдюймовки Канэ у нас еще повоюют в другом месте и в другое время. Так что – при перевооружении кораблей на четырех-пятидюймовый противоминный калибр данные орудия должны обязательно быть законсервированы и помещены на длительное хранение.

При этих словах императора адмирал Григорович только пожал плечами. Законсервировать так законсервировать. Ведь явно же государь что-то недоговаривает. Он то ли не доверяет, то ли не хочет, чтобы они отвлекались от текущих задач.

– Далее, – продолжил император, – калибр в пять дюймов. В сухопутном варианте – гаубица с длиной ствола четырнадцать калибров и максимальным углом возвышения шестьдесят градусов. Заряжание в обоих вариантах только отдельное. Набор снарядов аналогичен четырехдюймовому калибру. В морском варианте пушка с длиной ствола пятьдесят калибров и максимальным углом возвышения двадцать пять – шестьдесят градусов. Как и с четырехдюймовой пушкой, необходимо сразу предусматривать возможность стрельбы по воздушным целям. Главный калибр для кораблей второго ранга от двух тысяч до четырех тысяч тонн водоизмещения и противоминно-противовоздушный калибр для кораблей первого ранга.

Записывающий данные в свою записную книжку Григорович поднял голову.

– Ваше императорское величество, – спросил он, – так вы считаете, что аэропланы и дирижабли в обозримом будущем станут настолько опасными, что по ним придется стрелять из четырех-пятидюймовых орудий?

– Я не считаю, Иван Константинович, – ответил император, – я просто в этом уверен. Не пройдет и десяти-пятнадцати лет, как главным врагом корабля станет аэроплан. Техника развивается очень быстро, а крупные корабли должны служить не менее двадцати-тридцати лет. Поэтому такие вещи надо предусматривать заранее. Вам это понятно?

– Так точно, ваше императорское величество, – кивнул Григорович, – понятно.

– Вот и хорошо, Иван Константинович, идем дальше. Калибры шесть и восемь дюймов в сухопутном варианте являются гаубицами, соответственно тяжелой полевой и осадной особой мощности. Длина ствола четырнадцать калибров, максимальный угол возвышения шестьдесят градусов. Заряжание, естественно, отдельное. В морском варианте длина ствола пятьдесят калибров, а максимальный угол возвышения двадцать пять – сорок градусов. Такие орудия должны служить главным калибром для легких крейсеров первого ранга от четырех до восьми тысяч тонн водоизмещения, а также для артиллерийских морских и речных, соответственно, легких и тяжелых канонерских лодок. Калибры десять и двенадцать дюймов сухопутных вариантов не имеют. Морские варианты этих орудий по длине ствола в калибрах и углах возвышения должны быть аналогичны калибрам в шесть и восемь дюймов. На этом с артиллерией пока всё.

Император некоторое время помолчал, потом добавил:

– При проектировании всех видов морских орудий необходимо учитывать то, что они будут устанавливаться не только на кораблях, но и на батареях морских и сухопутных крепостей, а также в бронированных артиллерийских поездах, железнодорожных батареях и тяжелых железнодорожных транспортерах. Вот на этом теперь всё. Вопросы есть?

Генерал Белый и адмирал Григорович, слегка ошарашенные этим разговором, разом закивали.

– Ну, вот и хорошо, – произнес император, – господа, можете быть свободны. А вы, Василий Федорович, все-таки постарайтесь заехать в «Новую Голландию» и увидаться там с штабс-капитаном Бесоевым. Я вам обещаю – там вы узнаете много для себя интересного.

29 (16) мая 1904 года, вечер.

Санкт-Петербург. Новая Голландия

Генерал-майору Белому ну очень не хотелось идти в «Новую Голландию» – в это, как он считал, гнездо жандармов и опричников. Есть, знаете ли, такая традиция у армейских офицеров – не подавать руки жандармам. Но Василий Федорович хорошо понимал, что фортуна, которая вознесла его из начальника артиллерии отдаленной крепости на столичные верха – дама капризная. К тому же поручения императора требуется неукоснительно выполнять, а не обсуждать.

Помимо всего прочего, в голове генерала Белого словно гвоздь засела брошенная самодержцем фраза, «генералов у нас много, а командовать некому». А его, выходит, измерили, взвесили и сочли годным, исходя при этом из каких-то совсем неизвестных ему соображений.

Кстати, одновременное с ним назначение на должность начальника МТК его хорошего знакомого по Порт-Артуру контр-адмирала Григоровича, недавно произведенного в этот чин из капитанов 1-го ранга, тоже говорило о многом. Питерский армейско-флотский бомонд впопыхался после этих назначений, почувствовав угрозу расставания с насиженными местечками. Заклевать его они, конечно, не заключают – не на того напали. А вот гадостей сделать могут немало.

К тому же Василий Федорович всегда делал все, что ему полагалось, серьезно, обстоятельно. Он считал, что ему необходимо соответствовать своему новому назначению и оправдать оказанное ему высочайшее доверие. Кроме того, генерала Белого весьма встревожили слова императора о грядущей большой войне. Военные всегда должны готовиться к войне, но то, как сказал о будущей войне самодержец, он понял, что она будет, в отличие от минувших, пожалуй, пострашней той Отечественной войны с Наполеоном.

Встретили его в «Новой Голландии» на удивление вежливо и, не удивившись его визиту, сверились с какими-то списками, после чего вызвали к воротам уже предупрежденного императором того самого штабс-капитана Бесоева. Увидав вышедшего к нему штабса, генерал Белый вздрогнул. Слишком уж сильно тот смахивал на государя-императора Михаила Александровича. Нет, не внешностью – тут можно сказать, что между ними было мало общего. Похожей у них обоих была гибкая кошачья походка и, если так можно выразиться, повадки. А еще взгляд – такой же пронизывающий и все понимающий. Штабс, которому от силы было двадцать пять – тридцать лет, смотрел на поседевшего на службе генерала, как взрослый мужчина на малого ребенка.

Впрочем, таких офицеров Василий Федорович уже видел в Порт-Артуре, где команда вспомогательного корабля «Алтай» из состава эскадры адмирала Ларионова помогала ремонту подбитых японцами в самом начале войны «Варяга», «Ретвизана» и «Цесаревича». Было видно, что пороку штабс-капитан Бесоев успел понюхать еще там, откуда они все явились.

Василий Федорович, сам во время прошлой русско-турецкой войны участвовавший в штурме Карса, мог свободно отличить боевого офицера от парадного шаркуна. Два ордена: Георгия Победоносца 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени с мечами, только подтверждали первое впечатление о штабсе, как о бывалом вояке.

– Здравия желаю, ваше превосходительство, – вежливо, но без подобострастия поприветствовал гостя Бесоев. – Позвольте представиться – штабс-капитан Бесоев Николай Арсентьевич, военная разведка.

– Генерал-майор Белый Василий Федорович, – ответил гость, – назначен государем исполнять обязанности начальника Главного артиллерийского управления. Надеюсь, что вас уже поставили в известность о цели моего визита?

– Разумеется, ваше превосходительство, – ответил Бесоев. – Я попрошу следовать за мной. Двор, пусть даже и этого «богоугодного заведения», все же не совсем подходящее место для серьезного разговора.

Генерал Белый, обведя взглядом окружавшие их древние стены, сложенные из потемневшего от времени красного кирпича, помнившие еще времена императрицы Екатерины Великой, кивнул.

– Согласен, господин штабс-капитан, – сказал он, – я готов проследовать с вами туда, где можно, как вы говорите, поговорить о серьезных вещах. Только государь обещал мне, что вами мне будет сообщено некое откровение. Так что весьма интересно будет вас послушать. И, кстати, скажите, как получилось так, что вы, боевой офицер, и вдруг оказались под сенью, как сами выразились, сего «богоугодного заведения»?

– Ваше превосходительство, – чуть улыбнувшись, сказал Бесоев, – один хорошо знакомый вам человек, портрет которого вы можете лицезреть в любом присутствии, решил устроить все именно так, а не иначе, во избежание излишнего умножения сущностей до окончания полной очистки авгиевых конюшен. Должен напомнить, что, как написано в Книге Экклезиаста: «во многих знаниях многие печали». Впрочем, раз вы сюда пришли, то, значит, и вас не минует ни то и ни другое. Идемте.

Четверть часа спустя, там же.

Новая Голландия,

кабинет штабс-капитана Бесоева

– Вот, ваше превосходительство, – сказал Бесоев, протянув генералу типографский бланк расписки об обязательстве не разглашать ставшую известной ему государственную тайну, – еще раз прочтите вот это и подпишите здесь и здесь. После чего мы будем считать, что со всеми формальностями закончено и с режимом секретности вы ознакомлены. Тогда мы сможем перейти непосредственно к делу. Излишним будет напоминать вам, что все сказанное в этом кабинете предназначено только для вас, все же прочие, включая инженеров подчиненных вам заводов, должны будут получать только конкретные технические указания.

– Это понятно, господин штабс-капитан, – сказал генерал Белый. – Я вас внимательно слушаю. Догадываюсь о том, кто вы такие. Вы пришли из будущего?

Бесоев коротко кивнул, и генерал Белый, довольный тем, что он не ошибся, продолжил:

– Тогда скажите мне – из какого года вы к нам пришли?

– Из две тысячи двенадцатого, ваше превосходительство, – ответил Бесоев, – то есть между нами больше века. За это время в нашем прошлом Россия сумела проиграть русско-японскую войну, пережить малую смуту, на стороне Англии и Франции ввязаться в Первую мировую войну, закончившуюся для России крахом монархии, большой смутой и гражданской войной. После этого наша страна восстала из праха, только под другим именем.

Потом была Вторая мировая война, в ходе которой германские войска сначала дошли до Петербурга, Москвы, Царицына и Новороссийска. Но мы собрались с силами и победили, закончив войну в Берлине, Праге и Вене, став одной из двух мировых сверхдержав. Потом была еще одна, на этот раз, необъявленная война, именуемая «холодной», окончившаяся еще одной смутой с крахом государства и новым его восстановлением.

– Мы проиграли войну японцам? – удивился Белый. – Не могу в это поверить!

– Увы, это так, ваше превосходительство, – сказал Бесоев. – Если не верите мне, то можете испросить еще одну аудиенцию у государя и задать этот же вопрос ему. Скажу только, что лично вы своей чести не замарали и имени не опозорили. Скорее, наоборот. Именно потому вы сидите сейчас здесь и беседуете со мной.

Другие же генералы и адмиралы, напротив, словно специально сделали все, чтобы эта война оказалась проигранной. Увы, армия и флот после двадцати пяти лет без войн оказались неготовыми к ведению боевых действий. Вы приглядитесь – кто из ваших коллег в ближайшее время пойдет вверх, а кто совсем исчезнет с горизонта или окажется в дальних гарнизонах. И тогда вам откроется истина.

– Куропаткин? – прямо спросил Белый.

– И не только он, – уклончиво ответил Бесоев. – Впрочем, все это будет не сразу. Наша нынешняя задача как раз и заключается в том, чтобы увести Россию с ее гибельного пути. Отсюда и так удивляющие всех политические решения. Впрочем, нам с вами, как людям военным, в первую очередь надо думать о боеспособности армии. Ведь сила права заключается в праве силы, а посему давайте поговорим о том, что касается лично вас.

– Хорошо, – сказал генерал Белый, – я вас внимательно слушаю...

– Господин генерал, – сказал штабс-капитан Бесоев, – я полагаю, что вы хотите узнать – почему же было принято решение отказаться от полевых орудий трехдюймового калибра?

– И да, и нет, – ответил Белый, – с одной стороны, государь уже упомянул о недостаточном фугасном действии трехдюймового снаряда. С другой стороны, я хотел услышать об этом подробнее, от боевого офицера, пусть даже и не артиллериста.

– Тогда все по порядку, – Бесоев приготовился прочитать небольшую лекцию заслуженному генералу. – Недостаточная мощь фугасного снаряда действительно имеет место. В принципе, не зря же основным и единственным снарядом к трехдюймовке была выбрана шрапнель, годная исключительно для поражения противника, расположенного на открытой местности. Но умирать никто не хочет, и солдаты на поле боя под огнем начнут окапываться. Как только войска зароятся в землю, так сразу возникнет так называемый позиционный тупик, выйти из которого возможно исключительно с помощью массированного обстрела тяжелой артиллерией, ведущей огонь с закрытых позиций.

– И все это из-за шрапнели? – удивленно спросил Белый.

– Не только из-за нее, – ответил Бесоев, – главным убийцей в будущей войне станет пулемет, ну и магазинные винтовки тоже скажут свое веское слово.

– О пулеметах мне государь тоже говорил, – задумчиво проговорил Белый, – а что, эта машина мистера Максима действительно так страшна для пехоты?

– Пулеметы станут кошмаром для пехотинцев, ваше превосходительство, – ответил Бесоев, – несколько грамотно расположенных, пристрелянных и тщательно замаскированных пулеметов могут остановить наступление целого полка. И не только остановить... Как вам такая картина из реалий случившейся в нашем прошлом. Первая мировая война, утром перед наступлением свежий полк полного штата в две тысячи штыков идет в бой. Вечером из его остатков делают сводную роту, которую отводят в тыл. И это все пулеметы, которые скоро будут приняты на вооружение всех армий. Солдаты всех армий мира будут тысячами погибать под их огнем, а упомянутый вами мистер Хайрем Максим станет подсчитывать прибыли.

– Действительно ужасно, – покачал головой Белый, – но только при чем тут артиллерия?

– А при том, ваше превосходительство, – ответил Бесоев, – что пока только артиллерия способна бороться с этой напастью. Для решения этой задачи нашей армии и нужна относительно легкая, маневренная и в то же время дальнбойная полевая пушка, обладающая мощным фугасным снарядом, способным разрушать полевые фортификационные сооружения противника и уничтожать вражеские пулеметы, являющиеся основой обороны. Полевая артиллерия должна быть приближенной к пехоте, стать как бы ее «длинной рукой» в обороне и верным помощником в наступлении.

Штабс-капитан достал из стола несколько листов бумаги с эскизами и фотографиями.

– Вот смотрите, – сказал он, – это лучшие трехдюймовые пушки сороковых годов этого века. Германская легкая пехотная пушка le.I.G.18 образца 1927 года и русская полковая пушка ЗиС-3 образца 1942 года...

– Погодите, господин штабс-капитан, – немного растерянно сказал генерал Белый, – но ведь вы же сами сказали, что нашей армии необходимо переходить на трех с половиной дюймовые орудия. А сами показываете мне трехдюймовые пушки...

– Да, это так, – кивнул Бесоев, – но лишь потому, что полевые пушки калибра 85 миллиметров, то есть три и тридцать пять десятых дюйма, начали разрабатываться для нашей армии только в середине сороковых годов, когда недостаточная мощь трехдюймовки стала настолько очевидной, что армии потребовались более мощные орудия. Если во время Первой мировой войны трехдюймовка была еще на что-то способна, то к тридцатым-сороковым годам уже стало понятно, что нужно новое, куда более мощное орудие.

Но никто ничего принципиально менять не стал. Просто имеющуюся конструкцию довели до совершенства. А причиной всему был принятый в ваше, а теперь уже и в наше тоже

время, тот самый неудачный трехдюймовый стандарт, под который уже выпущено большое количество боеприпасов. Ведь артиллерия – это не только сами орудия, но и огромное количество снарядов, которые хранятся на складах на случай войны. Устаревшие пушки легко отправить в переплавку и изготовить вместо них новые. Но что вы будете делать со складами мобилизационного резерва, битком забитыми снарядными ящиками с уже ненужными унитарами?

Генерал Белый задумался, а потом спросил:

– Так, значит, именно вы предложили государю-императору, пока еще не поздно, переиграть партию с основным калибром полевой артиллерии?

– Именно так, – ответил Бесоев, – пока не поздно. Ведь, по сути, ни одна из существующих сейчас европейских армий еще ни разу не участвовала в конфликте высокой интенсивности с применением разработанного в последнее время нового вооружения. В головах армейских генералов пока еще живет иллюзия, что будущая война будет маневренной и относительно скоротечной, вроде случившихся двадцать пять – тридцать лет назад франко-прусской или русско-турецкой. Согласитесь же, что новое, иное по качеству вооружение должно создавать и новую тактику. А вот к этой новой тактике ведения боевых действий еще никто не готов.

– Говоря, что никто не готов, – сказал генерал Белый, – вы имеете в виду, что никто, кроме вас?

– Именно это я и имею в виду, – кивнул Бесоев, – сухопутная кампания в Корее была скоротечной и удаленной от основных театров будущей войны, а превосходство в силах было настолько очевидным, что вряд ли кто смог хоть что-нибудь понять.

– Понятно, – кивнул Белый и придвинул к себе чертежи и фотографии, которые показал ему Бесоев. Эти бумаги с самого начала весьма заинтриговали генерала, но, как воспитанный человек, он постарался скрыть свой интерес к ним. Если с легкой германской пушкой все было понятно, и необычными были только небольшой размер орудия и короткий ствол с большим углом возвышения, то русское полевое орудие образца сорок второго года выглядело непривычно и, можно сказать, просто фантастично. В принципе, главные особенности конструкции были понятны генералу даже и без дополнительных пояснений – ведь он полжизни отдал артиллерии. Раздвижные станины и небольшие металлические колеса с каучуковыми шинами позволяли иметь большие углы горизонтального и вертикального наведения, чем на обычной трехдюймовке. Причем гораздо большие. По вертикали в два раза, а по горизонтали так аж в двадцать раз. А это и большая дальность, и возможность обстреливать разнесенные цели, не меняя положения самого орудия. Соответственно, и боевые возможности возрастали тоже значительно. Напрашивался только один вопрос. Его генерал и задал штабс-капитану Бесоеву.

– Скажите, а наши заводы смогут производить такое сложное в техническом отношении орудие?

– Полагаю, что да, ваше превосходительство, – ответил Бесоев, – прежде чем давать вам советы, мы это проверили. Первая модель, разумеется, может быть своего рода гибридом новых и привычных вам конструкций. Но раздвижные станины и указанные здесь углы вертикального и горизонтального наведения она должна обязательно иметь. И вот что должно появиться в итоге, лет этак через двадцать. Это 85-миллиметровая пушка Д-44, образца 1944 года.

Сказав это, Бесоев положил на стол перед генералом еще один эскиз и несколько фотографий. Вот это была пушка! Своим длинным, как у морских орудий, стволом с набалдашником дульного тормоза и скошенным низким щитом, она была похожа на присевшего и изготовившегося к броску хищника. С точки зрения артиллериста и исходя из своих характеристик, такое орудие показалось генералу Белому вершиной эволюции полевых орудий.

– Отлично, господин штабс-капитан, – сказал он Бесоеву, – основную идею единого боеприпаса и постоянно совершенствующихся полевых орудий я понял. А что с орудиями калибра крупнее трех с половиной дюймов?

– Принцип, ваше превосходительство, тот же самый, что и с трех с половиной дюймовыми пушками, – Бесоев достал еще несколько бумаг, – лафет с раздвижными станинами, большой угол вертикального наведения, дульный тормоз и прочие прелести. Новые крупнокалиберные орудия стоило бы поставить сперва для вооружения крепостной артиллерии. Тяжелые пушки, которые составляют основу крепостной артиллерии, в настоящий момент имеют совершенно недостаточную дальность стрельбы. В ходе Первой мировой войны осадные орудия противника могли безнаказанно расстреливать русские крепости с недостижимой для нашей артиллерии дистанции.

– Ну, допустим, эту проблему, – сказал Белый, – можно решить за счет использования в крепостной артиллерии тяжелых морских орудий...

– Можно, ваше превосходительство, – кивнул Бесоев, – только, опять же, стоит помнить о едином стандарте боеприпасов для морской, крепостной и тяжелой полевой артиллерии. Что же касается орудий калибром до шести дюймов включительно, то количество стволов одного и того же калибра, состоящих на вооружении армии, примерно на порядок превзойдет совокупные потребности флота и крепостей. Ну, а все остальное вы уже знаете.

– Очень хорошо, – генерал Белый сложил бумаги в аккуратную стопку. – А теперь, ради чистого любопытства, скажите мне, господин штабс-капитан, если это, конечно, не секрет, а как обстоят дела с полевой артиллерией в ваше время?

– Конечно, не секрет, ваше превосходительство, – с улыбкой ответил Бесоев, – ваш калибр в сорок восемь линий считается у нас легким, а калибр в шесть дюймов – тяжелым. Правда, при этом существуют и восьмидюймовые гаубицы особой мощности, забрасывающие шестипудовые снаряды на сорок пять верст...

Немного помолчав, штабс-капитан добавил:

– Один наш знаменитый военачальник, который сейчас еще пешком под стол ходит, говорил, что при двухстах таких орудиях на версту фронта о противнике не докладывают. Докладывают о продвижении и запрашивают новые задачи. Впрочем, это дело несколько отдаленного будущего, до которого нынешней русской армии еще расти и расти.

– Очень интересный был разговор, господин штабс-капитан, – сказал Белый, поднимаясь со стула. – Но мне пора, да и у вас, наверное, есть неотложные дела...

– Погодите, ваше превосходительство, – Бесоев протянул генералу пару тоненьких брошюр, – вот, прочтите на досуге. Это не совсем артиллерия в принятом сейчас смысле слова. Но заниматься этим придется, скорее всего, именно вашему ведомству.

– Миномет калибром 82 миллиметра, конструкция и наставление по боевому применению, – прочел вслух Белый и спросил: – Что это, господин штабс-капитан?

– Оружие непосредственной поддержки пехоты, – ответил Бесоев. – Кстати, впервые изобретено как раз в Порт-Артуре хорошо известным вам капитаном Гобято. Если что-то будет непонятно – обращайтесь, поможем, чем сможем. А сейчас, поскольку уже поздно, позвольте вызвать вам авто?

– Благодарю вас, штабс-капитан, – Белый пожал Бесоеву руку, – и всего вам доброго.

– Честь имею, ваше превосходительство, – ответил Бесоев, – и вам всего доброго. Позвольте мне проводить вас...

30 (17) мая 1904 года, вечер.

Санкт-Петербург. Новая Голландия.

Глава ГУГБ, тайный советник

Тамбовцев Александр Васильевич

Ну, все – хватит нашему бравому штабс-капитану учить уму-разуму генералов. Пора уже ему, наконец, заняться своими прямыми обязанностями. Поработать, так сказать, бойцом

невидимого фронта. Еще вчера я вызвал Николая Арсентьевича к себе и сообщил, что в самое ближайшее время ждет его дорога дальняя, неожиданные знакомства и большие хлопоты. Тот почесал затылок и сказал, что готов, как пионер, ехать туда, куда его пошлет Родина и начальство. А вот уже сегодня я собрал у себя в «Новой Голландии» всю команду наших «джеймсов бондов», для того, чтобы провести инструктаж.

Кроме штабс-капитана Бесоева из наших старых знакомых на инструктаже присутствовал ротмистр Познанский. Да, Михаила Игнатьевича на самом деле ожидает непростое испытание, поскольку на этот раз он будет работать за границей, то есть не совсем по своему профилю. Но мы смело можем на него положиться, потому что он уже проверен в деле.

Кстати, после меня инструктировать наших «засланцев» будет ротмистр Владимир Николаевич Лавров, однокашник Михаила Игнатьевича по 2-му Константиновскому военному училищу. Он тоже служил в Отдельном корпусе жандармов, но в июне 1903 года его откомандировали в распоряжение начальника Главного штаба Русской армии для весьма деликатного дела. Ротмистр Лавров был назначен руководителем вновь созданного Разведочного отделения Главного штаба, то есть военной контрразведки.

Присутствие Владимира Николаевича было в данном случае не случайным. Дело в том, что для поездки в Базель было решено обойтись без помощи зарубежной агентуры Департамента полиции. Уж больно народ в этом департаменте был склизкий, не вызывающий доверия. Достаточно вспомнить Лопухина и прочих, как говорили у нас, «оборотней в погонах».

А посему для оказания практической помощи команде Бесоева было решено привлечь силы военной разведки и контрразведки. Наш военный агент в Швейцарии генерал-лейтенант Григорий Александрович Розен уже получил предписание, в котором требовалось оказывать нашим людям полное содействие.

Кроме штабс-капитана и двух ротмистров в комнате сидел еще один участник будущей экспедиции за скальпом господина Парвуса. Точнее – участница. Ее в «Новую Голландию» привел генерал Ширинкин.

Скажу сразу – увидев Наталью Вадимовну – так представил мне ее генерал, – я испытал чувства, о которых, как мне казалось, я уже давно забыл. Натали было чуть больше двадцати лет. Внешне она была совершенно не похожа на одну из секс-бомб из XXI века – насилько-ненных до неприличия, накрашенных и невообразимо тупых.

Было в ней то, что заставляет при взгляде у мужиков гулко биться сердце и испытывать напряжение в некоторых частях тела. Такая прелестница должна поразить Израиля Лазаревича Гельфанда прямо в сердце и ниже. А нам только это и надо. Как говорилось в одной гайдаевской кинокомедии: «Остальное – дело техники».

Немного побеседовав с Натали, я сделал вывод, что она не только красавица, но еще и большая умница. С разрешения полковника Антоновой я познакомил ее с тайной нашего появления в этом мире. Натали восприняла информацию о том, что ей доведется участвовать в тайной операции совместно с пришельцами из будущего, на удивление спокойно. Вполне вероятно, впрочем, что ей уже успел обо всем рассказать милейший Евгений Никифорович. А может, и не рассказал, и все дело в том, что Натали просто умеет держать свои эмоции под контролем.

Накануне мы с генералом Ширинкиным продумали легенду, под прикрытием которой группа Бесоева должна была отправиться в Базель. Бесоев должен был стать осетинским князем из свиты главноначальствующего Кавказской администрации князя Григория Сергеевича Голицына. Гордым, богатым и глупым. По легенде, Познанский, который в этой поездке будет его закадычным приятелем, станет изображать богатого помещика из Малороссии. Ну, а Натали выступит в амплуа содержанки Бесоева из «титулованных», которую горячий кавказский мужчина решил вывезти в Европу, чтобы показать ей всю широту души настоящего горского князя. Естественно, при знатной даме, как это и полагается, будет и служанка – одна из

тех девиц, которых порекомендовал нам Евгений Никифорович, и которые успешно помогали нашим ребятам бороться с одиночеством.

В качестве силового прикрытия вместе с этим «квartetом» в Базель отправятся два спецназовца из нашего эскорта, которые будут изображать провинциальных дворянчиков, набившихся в компанию к князю, достаточно богатых, чтобы выбраться за рубеж, и слишком бедных, чтобы предаться там безудержному разгулу. Инструктаж с «группой поддержки» проведет лично Коля Бесоев, сообщив им о предстоящем зарубежном турне ровно столько, сколько он сочтет необходимым.

А вот с ведущими актерами будущей трагикомедии я решил побеседовать лично. Основное их задание – отловить господина-товарища Парвуса и в полной целостности и сохранности переправить его в Петербург, где по нему давно уже рыдают нары в тюрьме ГУГБ. Ну, а если под руку случайно подвернется еще и Лейба Бронштейн, то следует выписать билет в «Новую Голландию» и ему. А не получится, то... Если мне память не изменяет, в Швейцарии, где уже достаточно развит альпинизм, можно легко раздобыть подходящий для этого дела ледоруб.

В Швейцарию группа Бесоева должна была попасть через Германию. Мои немецкие коллеги обещали оказать им полное содействие. Впрочем, ни о количестве участников этого путешествия, ни о его целях германским коллегам не сообщалось. Ни к чему им знать то, чего пока знать никому не следует. Немцы все же, по всей видимости, о чем-то уже догадываются, но палки в колеса, скорее всего, ставить нам не будут. Не в их это интересах.

Дело в том, что господин Парвус был и для них изрядным геморроем. В свое время они уже выслали его из страны, как «нежелательного иностранца». К тому же он ухитрился в пух и прах рассориться с законопослушной и достаточно обуржуазившейся немецкой социал-демократией, которая совсем не желала иметь дело с человеком, страстно мечтавшим «разжечь мировой пожар перманентной революции». Ведь именно он был творцом этой теории, а его прилежный ученик Лев Давидович Троцкий впоследствии лишь довел ее до полного совершенства.

На пассажирском пароходе группа Бесоева должна была из Петербурга отправиться в Гамбург. Оттуда на поезде вся компания направится в Базель. Вот там им надо будет держать ухо востро. Если социал-демократы – приятели Парвуса – больше болтали, чем действовали, то злые как черти члены эсеровской боевки были готовы разорвать на части всех, кто отловил их «гениального шефа» – Евно Азефа и практически разгромил саму организацию. Эсеры жаждали крови. А убивать они умели. Наши ребята, впрочем, тоже не овечки, да и ротмистр Познанский за это время тоже кое-чему научился.

В Базеле Бесоев и Натали, Познанский и «примкнувшая к ним» группа поддержки должны будут посещать различные значные заведения, в которых обычно кутит Парвус. Я готов биться об заклад, что увидев Натали, этот бабник не сможет устоять перед ее чарами и начнет добиваться благосклонности такой эффектной женщины. Помучив его как следует, наша агентесса в конце концов «не устоит» перед его напором и пригласит любвеобильного Израиля Лазаревича в номер отеля, в котором она остановилась.

А там его уже будут ждать «трое из ларца одинаковых с лица». Один укол специальным препаратом, и злодей станет послушным аки ягненок. Из Базеля наша команда должна эвакуироваться тем же способом, каким Бесоев в компании Кобы, Ирины, Ленина и Крупской покидали его в прошлый раз. Тем более что Николай Арсентьевич один раз уже натоптал дорожку, и дополнительный инструктаж ему не понадобится.

Если же в это время в Базеле окажется и будущий «демон революции», то Бесоеву со товарищи следует навестить и его, тем же способом предложив прокатиться прямо до Питера. В случае, если все пройдет удачно, ребята прихватят Троцкого с собой, ну а если нет, то досрочно проведут операцию «Утка-2». Извините нас, компанеро Меркадер, Героем Советского Союза вам уже не быть...

Часа полтора мы обсуждали все варианты проведения акции. Наконец, проработав все нюансы, я дал отмашку, и Николай Арсентьевич перевел всю свою команду на казарменное положение. Времени у них было мало – Парвус и его подельники развили бешеную деятельность, поэтому, чем быстрее мы прекратим это бурление дерьма – тем лучше будет для России...

31 (18) мая 1904 года, утро.

Французская колония Мадагаскар.

Порт Таматаве (Туамасина).

Генерал-губернатор Мадагаскара,

дивизионный генерал Жозеф Симон Галлиени

Известие о том, что на рейде Таматаве бросила якорь объединенная русско-германская эскадра под командованием вице-адмирала Ларионова, поступившее по телеграфу прошлым вечером, заставило меня срочно бросить все дела, покинуть свою резиденцию в столице острова Антананариву, сесть в поезд и немедленно выехать в Таматаве. Любимая Франция в последнее время оказалась в весьма опасном положении. Еще предыдущий русский император расторг русско-французский союз, взбешенный отказом Франции исполнить свои союзнические обязательства и закулисными англо-французскими переговорами в Лондоне.

При этом вторая причина была значительно важнее первой. Ни для кого не секрет, что когда Александр III, отец прошлого и нынешнего императоров России, пошел на заключение этого, противоестественного с его точки зрения союзного договора с республиканской Францией, основным врагом России он видел Британию, Британию и только Британию. Только в том случае, если новый союз будет иметь прямую антианглийскую направленность, русские монархи соглашались защитить Париж от грозящей ему тевтонской ярости.

Вступив в тайные переговоры с Лондоном, эти штатские обороты с Ке-д'Орсе поставили Францию в положение неверной жены, пойманной супругом прямо на месте преступления в крайне недвусмысленной позе. Когда все это выяснилось, разразился ужасающий скандал. Император Николай в ярости сменил министра иностранных дел, а Франции было объявлено о заключении нового, на этот раз уже русско-германского союза. Император Николай был убит русскими террористами, не успев завершить начатого. Но дело его живет. Континентальный Альянс – союз двух самых могущественных монархий в мире, был создан его братом Михаилом и прошел проверку в морском сражении с англичанами у Формозы. Никто теперь не знает, что будет с моей милой Францией, по милости политиканов оказавшейся один на один с жаждущими повторения своего триумфа германцами. Я вспомнил катастрофу под Седаном, где мне, тогда еще совсем молодому сублейтенанту морской пехоты, довелось изведать позор поражения и прусский плен. И мне ужасно не хотелось, чтобы этот кошмар когда-нибудь повторился.

Выйдя на набережную, я внимательно осмотрел гладкую, как стекло, темно-синюю гладь внутреннего рейда. Чуть в отдалении Индийский океан с тяжким рокотом уже привычно для меня бил волнами в прикрывающий бухту коралловый риф. Бессильная ярость морской стихии обычно завораживала, но сейчас внимание мое внимание привлекала совсем не она, а заполнившие бухту корабли под иностранными флагами.

Легкие крейсера германцев и угрюмо дымящие громады двух русских броненосцев были похожи на такие же французские, только, пожалуй, выглядели более приземистыми, без мачт, похожих на китайские пагоды. Но остальные корабли выглядели, как пришельцы из совсем другого мира.

Особенно странно выглядел огромный, превышающий по размерам когда-либо виденные мною корабли, с огромной плоской палубой и задорно вздернутым кверху носом. Неожиданно раздался гром, хотя на небе не было ни облачка. С палубы левиафана, со свистом и ревом

рассекая воздух, в небо взмыл стремительный стреловидный аппарат, совершенно не похожий на ажурное сооружение братьев Райт.

Вот она, та самая эскадра, которая словно стадо буйволов, сметающая все на своем пути, так легко сокрушила стабильность нашего прежнего, такого тихого и уютного мира, и повернувшая ход истории по какому-то своему, не понятному пока никому пути. И, кроме всего прочего, судя по поднятому над одним из этих странных кораблей флагу – Андреевский и Георгиевский кресты на красном полотнище с двуглавым орлом в желтом круге и с двумя косицами – на его борту находилась одна из особ, принадлежащих к правящему дому. Вздыхнув и мысленно и помянув Пресвятую Деву Марию, я приказал готовить разъездной катер. Придется ехать и самому лично разговаривать с этими русскими варварами, которым привалило такое незаслуженное счастье. А пока надо распорядиться разрешить им покупать в порту все, что они ни попросят.

*Час спустя,
гвардейский ракетный крейсер «Москва»*

Встречали генерал-губернатора на крейсере «Москва», как и положено человеку, занимающему подобную должность – с салютом нации, с поднятым на флагштоке французским флагом, с опущенным с правого борта адмиральским трапом и выстроенным на палубе почетным караулом морской пехоты.

Адмирал Ларионов смотрел на француза с некоторым интересом, но без всякой симпатии. Весьма неоднозначный, надо сказать, персонаж. Начинал свою военную карьеру он как раз в морской пехоте. В чине сублейтенанта был выпущен из Сен-Сирской военной академии, аккуратно за три дня до начала Франко-прусской войны, участвовал в сражении под Седаном, где и попал в прусский плен. После завершения той злосчастной для Франции кампании и возвращения из плена служил в колониальных войсках. Реюнион, Дакар, Мали, Нигер, Мартинака, Индокитай и как вершина карьеры – Мадагаскар, который усилиями дивизионного генерала Галлиени был полностью лишен независимости и превращен в очередную французскую колонию. Адмирал Ларионов вспомнил зверские расправы французов над мятежными мальгашами. По приказу Галлиени сжигались целые деревни, а всех их жителей безжалостно уничтожали. Причем убивали не только участников сопротивления оккупантам, но и тех, кто просто считался «подозрительными». Галлиени приказал казнить даже нескольких членов королевской семьи. Словом, этот хмурый сухощавый француз был ничуть не лучше нацистов, которые проводили на оккупированной советской территории политику «выжженной земли».

Рядом с адмиралом, чуть позади, стояли полковник Бережной в штатском и великая княгиня Ольга Александровна, укрывающаяся от палящего южного солнца под изящным шелковым зонтиком.

– Оленька, – шепнул ей Бережной, – посмотри на этого душегуба, который в то же время, страдая от неизлечимой болезни, спасет Париж от захвата его войсками кайзера в 1914 году, остановив на Марне немецкое наступление. Хотя, как я считаю, Париж спасла русская армия, развернувшая крайне поспешное и неподготовленное наступление на Восточную Пруссию.

– Да ну этих французов, Вячеслав Николаевич, – кокетливо ответила сестра императора, – спесивые они да заносчивые. Смотрят на нас, русских, как на дикарей каких-то. Слова своего не держат. Думают только о своей выгоде. Может, и не стоит нам их спасать?

– Может, и не стоит, – согласился Бережной, – только вот чрезмерное усиление Германии нам тоже не совсем выгодно. Вот втянуть Францию в качестве противовеса Германии к нам в Континентальный Альянс было бы куда полезней. Полностью на наших, разумеется, условиях. Хотя за такими союзниками надо смотреть в оба...

– Да вы настоящий стратег, Вячеслав Николаевич, – усмехнулась великая княгиня.

– Что есть, то есть, – пожал плечами Бережной. – Да только это придумал не я, а ваш любимый брат Михаил. Умнейший молодой человек. Надеюсь, что на этот раз России повезло с императором. В любом случае нашим главным врагом сейчас являются англосаксы и только они. А потому его императорское величество готово разрешить Германии растерзать французов только в случае, если они все-таки заключат союз с враждебной нам Британией, и ни на минуту раньше. Но хватит о политике. Оленька, разрешите пригласить вас на волнительную и романтическую прогулку инкогнито по экзотическому африканскому городу и его знаменитому и колоритному рынку Базари Бе, на котором можно купить все возможное и невозможное.

– Пожалуй, я соглашусь, – дурачась, величественно кивнула Ольга Александровна, – и разрешу вам меня развлечь, пока Виктор Сергеевич будет беседовать с этим надутым французским индюком. Скажите, Слава, вы, наверное, раньше бывали в этом городе.

– Один раз доводилось, Оленька, – ответил Бережной, – только вот не раньше, а позже, что даст мне лишний повод дополнительно осмотреться.

Проводив взглядом адмирала, который вежливо увел французского генерал-губернатора со свитой в свой салон, полковник, галантно оттопырив локоть, предложил даме ручку. И они пошли к трапу, под которым уже был готов тронуться в путь развездной катер. По странному совпадению вместе с ними на берег съехало несколько молодых и весьма крепких офицеров морской пехоты и спецназа ГРУ. Действительно, им надо было оглядеться в этом ключевом порту Мадагаскара – так почему бы при этом не совместить полезное с приятным. Впрочем, у них будет еще как минимум три дня, пока корабли эскадры будут получать с берега свежее продовольствие и грузиться углем. Три дня и не одним днем больше, соединение адмирала Ларионова как можно скорее должно было попасть в европейские воды, для того чтобы стать козырным тузом в большой политической игре.

2 июня (20 мая) 1904 года. Нью-Йорк.

Ресторан «Delmonicos» на Саут Вильям Стрит.

Бывший председатель Комитета министров Российской империи Сергей Юльевич Витте

Я пришел в этот знаменитый ресторан не только для того, чтобы просто приятно провести время. Именно здесь я должен был встретиться с тем самым человеком, которого рекомендовал мне Джейкоб Шифф некоторое время тому назад. Я собирался встретиться с тем самым человеком, который в Вене играл в шахматы с самим Альбертом Ротшильдом. Лично я в шахматы не играю, а потому господину Троцкому придется говорить со мной не на столь возвышенные темы. Впрочем, как мне говорили, этот молодой человек просто обожает вещать, причем очень много и красиво.

Вход в ресторан «Делмоникос» украшали мраморные колонны, которые, как я слышал, его владельцы стащили из античных Помпей. Швейцар, оценивающе окинув взглядом мой фрак, услужливо согнулся в поклоне и распахнул массивную дубовую дверь. Войдя, я не спеша осмотрелся. Интерьеры этого храма чревоугодия напомнили мне шикарные парижские рестораны. На стенах, так же как и там, висели картины, а уютные столики освещались изящными настольными лампами. В общем, обстановка была уютной и располагающей к откровенной беседе.

А вот и он, будущий российский Мирабо (или Робеспьер?). Вошедший господин-товарищ Троцкий выглядел весьма импозантно – невысокий, худой, с ярко горящими глазами, большим чувственным ртом и густой шапкой черных кучерявых волос. Своим богемным видом он чем-то напоминал мне всклокоченную ворону.

Поздоровавшись со мной, господин Троцкий сел за стол и, небрежно отодвинув в сторону услужливо поданное официантом меню, сразу же повел речь о том, как он намеревается разжечь во всем мире великую социальную революцию.

– Я называю это перманентной революцией, – вдохновенно вещал он, – российский пролетариат, оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе.

– Поймите, – говорил он мне, – всемирный процесс капиталистического развития неизбежно приведет к политическим потрясениям в России. Это, в свою очередь, окажет воздействие на политическое развитие всех капиталистических стран. Русская революция потрясет буржуазный мир... А русский пролетариат может сыграть роль авангарда социальной революции.

Поначалу я насторожился, услышав разглагольствования Троцкого, но потом понял, что передо мной политический прожектер, впрочем, не бесталанный, а потому именно тот, кто нам нужен. Он хорош для разрушения, для устройства смуты, – то есть того, что он называет «политическими потрясениями». Так что со стоящей перед ним задачей – устройством любимых им этих самых «великих потрясений» – он должен прекрасно справиться.

– Господин Троцкий, – сказал я, – несмотря на разницу в наших взглядах на социальное устройство мира, в данный момент мы являемся друг для друга, если можно так выразиться, естественными союзниками. Мы, как и вы, ненавидим существующую ныне власть в России. Как и вы, мы хотели бы свергнуть самодержавие и установить в России демократию. Что касается непосредственно вас, Лев Давидович, то в рамках этой демократии вы вполне могли бы реализовать себя как публичный политический деятель...

При этих словах глаза моего собеседника заблестели. Оживившись, он начал рассказывать мне, каким именно способом он собирается поднять рабочих на бунт. При этом он напоминал мне токующего глухаря. Наверное, начни его прямо сейчас, здесь, в зале ресторана, убивать, он этого даже не заметил бы.

– Моя стратегия проста, – самозабвенно вещал Троцкий. – Мы оторвем рабочих от машин и мастерских и выведем их через проходные ворота на улицу. Потом мы направим их на соседние фабрики, чтобы тамошние рабочие объявили там стачки. Новые пролетарские массы выйдут на улицу. Передвигаясь от фабрики к фабрике, от мастерской к мастерской, нарастая и сметая полицейские препятствия, выступая с речами и привлекая внимание прохожих, они будут захватывать группы, которые идут в другую сторону, заполняя улицы, занимая первые попавшиеся здания, используя их для непрерывных революционных митингов с постоянно сменяемой аудиторией. Мы, революционеры, внесем порядок в движение масс, поднимем их уверенность, объясним им цель и смысл событий, и таким образом мы превратим город в революционный лагерь.

Я изумленно смотрел на разглагольствующего Троцкого. Да, при определенных условиях подобные ему фанатики могут суметь захватить власть. Но весь вопрос в том, смогут ли они ее удержать? Впрочем, как я понял, господин-товарищ Троцкий никогда и не собирался заниматься чем-то созидательным. Для него пафос низвержения, разрушения был тем, что составляло смысл всей его жизни. Как он проговорился: «цель – ничто, движение – всё».

– Я вас понял, господин Троцкий, – сказал я ему, – и считаю, что с вашей помощью мы сумеем изменить политический режим в России. Только сумеете ли вы осуществить свои идеи в нынешних условиях? Ведь император Михаил чрезвычайно популярен в народе, а боль-

шинство социал-демократов пошло за другими лидерами – за Лениным и Кобой, я правильно называю их партийные псевдонимы?

Лицо Троцкого помрачнело. Он злобно блеснул стеклами своего пенсне.

– Вы правы, Сергей Юльевич, – сквозь зубы процедил он, – упомянутые вами товарищи вступили на путь соглашательства с новым императором. Но мы, истинные революционеры, не собираемся складывать оружия. Сейчас мы намерены создать новый ЦК партии социал-демократов, который должен будет объединить тех товарищей, кто не согласен с линией соглашателей, возглавляемых Лениным – Кобой, начать выпуск нашей партийной газеты и отправить в Россию группу специально подготовленных агитаторов...

Сказав это, Троцкий замолчал и выразительно посмотрел на меня.

– Вот только, – после небольшой паузы задумчиво сказал он, – на все эти мероприятия нужны деньги, и немалые...

Я усмехнулся про себя. С просьбой о субсидиях господин Троцкий обратился ко мне даже чуть раньше, чем я это предполагал. Но в данном случае скупиться не следовало. Тем более что мистер Шифф уже обещал мне выделить солидную сумму для подготовки свержения императора Михаила.

– Деньги будут, – ободряюще сказал я Троцкому, – но их поступление будет прямо пропорционально успехам ваших товарищей в России. Мы будем давать субсидии не под красивые слова, а под реальные дела. А еще я посоветовал бы вам объединиться с социалистами-революционерами. Конечно, для их партии сейчас в России наступили черные дни. После убийства царя Николая многие из них были физически уничтожены, многие сидят и ждут смертного приговора в застенках «Новой Голландии». Но все же на свободе остались еще верные идеалам своей партии люди, которые готовы подхватить знамя, выпавшее из рук их товарищей. Они жаждут отомстить российскому самодержавию. Помогите им в их святом деле.

Троцкий задумчиво покачал своей кудрявой шевелюрой.

– Видите ли, Сергей Юльевич, – сказал он, – боюсь, что эсеры, после предательства части руководства нашей партии, перестали нам доверять. Но мы все же попробуем установить с ними контакты. Действительно, для претворения в жизнь нашей главной цели – свержения власти кровавого императора Михаила – хороши все средства. Мы готовы блокироваться со всеми, кто вместе с нами будет штурмовать бастионы кровавого царского режима.

– Ну, вот и отлично, – сказал я. – Готов встретиться с вами здесь же, скажем, дня через три-четыре. Надеюсь, что к тому времени у вас уже будет готов план всех ваших действий на ближайшее время. Исходя из него, мы и решим, сколько денег вы получите для выполнения его первого этапа.

Сказав это, я жестом подозвал официанта, который, подбежав к нашему столику, в полупоклоне склонился над ним, готовый принять заказ...

5 июня (23 мая) 1904 года, 10:35.

Санкт-Петербург. Зимний дворец.

Готическая библиотека

Присутствуют: *император Михаил II; министр земледелия Петр Аркадьевич Столыпин; профессор Климент Аркадьевич Тимирязев*

– Господа, – император сделал рукой жест, приглашая своих гостей присаживаться, – должен вам напомнить, что перевод нашего земледелия на современные промышленные рельсы, а следовательно, и новая аграрная реформа, является главной и первоочередной задачей для развития экономики Российской империи. Думаю, что излишним будет напоминать вам о том, что именно крестьяне составляют подавляющую часть нашего народа, и от их благополучия,

или, наоборот, бедственного положения, зависит и благосостояние нашего государства в целом. Еще раз повторю вам, Петр Аркадьевич, нам не нужна такая реформа, которая выплеснула бы в города миллионы нищих, озлобленных, безграмотных и ничего не умеющих люмпен-пролетариев. Специалистов по тасканию круглого и катанию квадратного у нас и сейчас хоть отбавляй. Зато нам не хватает инженеров, врачей, агрономов, учителей и мастеровых всех специальностей и уровней квалификации. Я полагаю, что вы согласны с этой моей мыслью?

Столыпин кивнул, показывая, что разделяет взгляды императора.

– Да, ваше императорское величество, – сказал он, – я недавно беседовал с господином Ульяновым, и он подробно разъяснил мне всю пагубность затеи, целью которой было бы немедленное и полное разрушение крестьянской общины. Хотя, с другой стороны, и оставить все так, как оно есть, тоже нельзя. Получается замкнутый круг.

– Петр Аркадьевич, – понимающе кивнул император, – я тоже такого же мнения. Но если действовать планомерно и с умом, то из любого заколдованного круга можно найти выход. Если нельзя оставить все, как есть, и нельзя рушить общину, то нам, наверное, нужно пойти каким-то иным, третьим путем, предусматривающим не разрушение, а видоизменение крестьянских общин и создание на их базе сельскохозяйственных производственных артелей и кооперативов. Впрочем, думаю, не стоит бросаться из одной крайности в другую. Система нашего земледелия должна стать многоукладной, предусматривая как частное помещичье и крупное крестьянское землевладение, так и общинно-коллективное землепользование.

– Значит, ваше императорское величество, – после недолгого раздумья сказал Столыпин, – вы все-таки признаете преимущества крупного землевладения перед мелким?

– Разумеется, признаю, – согласно кивнул император, – и не имею никакого желания разрушать вполне успешные и нормально функционирующие сельскохозяйственные хозяйства. Поставленная перед вами задача заключается не в разрушении крупного частного землевладения и замене его общинно-коллективным, а в том, чтобы и большая часть крестьянских хозяйств также стали товарными и вполне успешными. А добиться этого можно только через кооперацию общин.

Петр Аркадьевич, сразу должен предупредить вас о том, что землевладельцы, использующие в своей деятельности наемный труд, вне зависимости от своего статуса и социального положения, поголовно попадут в поле зрения возглавляемого господином Ульяновым Министерства труда и будут вынуждены подчиняться тем же правилам, что и все заводчики и прочие фабриканты. Только так и никак иначе. Никаких исключений из общих правил ни для кого из них не будет.

– Я все это прекрасно понимаю, ваше императорское величество, – задумчиво сказал Столыпин, – хотя мне довольно сложно представить себе сам процесс такой кооперации.

– Ничего сложного, Петр Аркадьевич, – усмехнулся император. – Подаваясь на отходные промыслы, мужики такие артели создают сами и вполне успешно в них трудятся. Так что опыт коллективного труда на общий результат у них есть. Остается только распространить его на их основное производство.

Столыпин с сомнением посмотрел на императора.

– Вполне возможно, что это так, ваше императорское величество, – наконец произнес он. – Я, конечно, плохо себе сие представляю, но предполагаю, что раз уж вы в этом уверены, то значит, у вас есть на это какие-то основания...

– Да, я в этом уверен, – сказал император и добавил: – Ну и, что само собой разумеется, вопрос программы по переселению крестьян на пустующие земли Сибири и Дальнего Востока тоже никто не собирается откладывать в долгий ящик. Петр Аркадьевич, вы уже сделали расчет по потребностям этой переселенческой программы?

– Да, ваше императорское величество, – ответил Столыпин, – расчеты мною сделаны. Исходя из поставленной вами задачи, должен сказать, что господин Ульянов на нашей прошлой

встрече даже несколько приуменьшил масштабы подобной операции. По моим предварительным расчетам, переселять потребуется не двадцать, а все тридцать, или даже сорок миллионов душ. Потребуется миллион вагонов только на перевозку людей, а если добавить сюда скarb и скот, то эту цифру можно смело удвоить и даже утроить... Но это уже вопрос к князю Хилкову.

– В течение десяти лет, не забудьте про это, – уточнил император, – и, кстати, учтите также, что параллельно у нас начнется процесс повсеместной ликвидации безграмотности и индустриализация, которые тоже займут определенное количество крестьян и их домочадцев, миллионов этак десять-пятнадцать. Следовательно, Петр Аркадьевич, господин Ульянов в своих оценках был довольно точен, что, впрочем, не отменяет необходимости модернизации Транссибирского пути и значительного увеличения его пропускной способности. Двенадцать пар поездов, как сейчас – это явно недостаточно.

Столыпин на какое-то время задумался.

– Тогда, ваше императорское величество, – добавил он, – из этой цифры мы и будем исходить. И, кстати, позвольте узнать – какие наделы необходимо выделять переселенцам?

– Примерно как в Америке, – ответил император, – сто акров, что в переводе на наши меры земли составит примерно сорок десятин. Наделы, Петр Аркадьевич, должны предоставляться в бессрочное пользование и быть неделимыми и неотчуждаемыми, с прямой передачей одному из наследников. Такую же систему землепользования, по мере оттока населения, согласно программе переселения в города, необходимо внедрить и в наших центральных губерниях.

Такой подход императора к делу землепользования встретил у Столыпина понимание и горячее одобрение.

– Кроме того, – добавил император, – для поддержки переселенцев в местах их массового расселения необходимо будет организовать машинные станции, конезаводы и конно-прокатные пункты, что тоже будет вменено в обязанности вашему министерству. Подумайте, как это лучше будет организовать. Местные лошадки, которых в большом количестве можно закупить в Монголии, конечно, животные выносливые, неприхотливые и устойчивые к местным болезням. Но пахать на них мужикам будет затруднительно – уж больно они мелкие и слабосильные. Завозить же для нужд Сибири и Дальнего Востока рабочих лошадей из Европы – на это у нас просто не хватит никакой казны, да и от непривычного климата начнется падеж. Считайте конский вопрос в программе переселения одним из первоочередных, поскольку без него вся переселенческая программа просто теряет свой смысл. Это я говорю вам, как бывший лейб-кирасир. Быть может, лучше всего будет уже сейчас организовать государственный конезавод где-нибудь в Восточной Сибири, где на основе местных кобыл и первостатейных европейских жеребцов начать селекцию сибирской рабочей породы, пытаясь взять лучшее от каждого из производителей.

– Ваше императорское величество, – кивнул Столыпин, – я думаю, что вы правы, и нам именно так и следует поступить.

– Ну, вот и отлично, Петр Аркадьевич, – сказал император, – а теперь давайте вернемся непосредственно к земледелию. Ведь причина низкой товарности нашего сельскохозяйственного производства – следствие не только малоземелия наших крестьян, но и крайне низкой урожайности их земель. И этот вопрос тоже надо решать незамедлительно. Недопустимо, когда урожай сам-пять считается хорошим, а сам-десять – чуть ли не рекордным. В то время как в Европе с применением агрономической науки давно не редкость урожай сам-двадцать или даже сам-тридцать.

– Земля в большинстве мужицких хозяйств истощена до последней крайности, – хмуро заметил Столыпин, – да и семенной материал тоже оставляет желать лучшего.

Император недовольно поморщился.

– Вопрос качества семенного материала, – сказал он, – необходимо решать на государственном уровне, и заниматься этим будет подчиненный вашему министерству научно-исследовательский институт земледелия, который возглавит присутствующий здесь профессор Климент Аркадьевич Тимирязев, которому дан чин действительного статского советника. Прошу, что называется, любить и жаловать.

Агрономия, государственные семеноводческие станции и прочие необходимые для успешного земледелия инструменты – это все его. Что же касается истощения земель, то бороться с ним нужно как правильным севооборотом, так и внесением различных удобрений. Впрочем, и этот вопрос также проходит по ведомству Климента Аркадьевича...

– Ваше императорское величество, – с сомнением покачал головой Столыпин, глядя на несколько оторопевшего от неожиданности Тимирязева, – а не дороговато ли это будет – заморская чилийская селитра стоит немало, да из года в год вносить ее на мужицкие поля? В трубу ведь вылетим!

– Никуда мы не вылетим, – усмехнулся император, – открою вам маленький секрет. Профессор Менделеев уже ведет работу по налаживанию синтеза аммиака из атмосферного воздуха. И в самое ближайшее время он должен построить опытную установку. Прошу вас в своих расчетах исходить именно из этого факта.

– Это, конечно, меняет все дело, ваше императорское величество, – кивнул Столыпин, – с собственными удобрениями да правильной агрономией мы просто засыпем Европу своим зерном.

– Кого и чем мы будем засыпать, – веско заметил император, – надо будет решать потом. Что же касается зерна, то вам будет еще одно последнее и тоже немаловажное поручение. И заключается оно в создании Государственного Продовольственного резерва при вашем министерстве – на случай разного рода неурожаев, стихийных бедствий или войны. Для чего в хлебобородных районах Империи должна быть организована система элеваторов-зернохранилищ. Дело первейшей важности, связано еще и с тем, что в самое ближайшее время выйдет указ о взимании с крестьянства всех налогов и податей исключительно в натуральной форме. Также в натуральной форме будет взиматься плата за пользование крестьянами лошадьми и инвентарем на государственных машинных и конно-прокатных пунктах. Так что без зерна ваш госрезерв не останется. А если кто из чиновников вдруг вздумает половить рыбку в мутной воде, так на то есть ГУГБ и тайный советник Александр Васильевич Тамбовцев. Прием постояльцев в Новой Голландии в любое время дня и ночи. На сем я заканчиваю сегодняшнее совещание. Надеюсь, вы все поняли?

– Да, ваше императорское величество, – кивнул Столыпин, – все понятно.

– Тогда, – сказал император, – прошу вас приступить к работе. С господином Тимирязевым мы еще раз встретимся дней так через десять для обсуждения вопросов по организации его института. До свидания, господа.

7 июня (25 мая) 1904 года.

Санкт-Петербург. Улица Пушкинская, дом 20.

Меблированный дом «Пале-Рояль».

Управляющий Московским учетным банком

Гучков Александр Иванович

После начала войны с Японией я немедленно поспешил выехать на театр военных действий в качестве представителя Московской городской думы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, а также помощника главного уполномоченного общества Красного Креста при Маньчжурской армии. Но так получилось, что все мои приключения в Маньчжурии закончились, так и не начавшись. Пока я собирался, пока ехал на другой конец света, военные

действия уже успели закончиться. Япония была разгромлена, Россия торжествовала, а потирающие руки дипломаты готовились приступить к дележу имущества побежденных.

Выскочившая неизвестно откуда, как чертик из табакерки, эскадра адмирала Ларионова, о котором я ранее никогда и не слыхивал, буквально за одну-две недели разгромила японский флот. Высаженный с этой эскадры десант так же быстро заблокировал японскую сухопутную армию, успевшую еще до начала боевых действий переправиться в Корею. Потом к ним на помощь подошел полковник Мищенко со своими казачками, и пошла потеха. Но все равно – чудеса, да и только!

Но чем дальше, тем больше все вокруг стали сходиться с ума. Особенно британцы, которые предприняли нечто такое, что совершенно уже несовместимо со статусом цивилизованного человека. Тут даже у меня голова пошла кругом. Почему-то они решили напасть на русский корабль, на котором находился тогда еще великий князь Михаил Александрович. Неудивительно, что до того довольно аполитичный в своих настроениях великий князь Михаил превратился в императора-англофоба.

Я, конечно, достаточно хорошо знаком с нравами обитателей Туманного Альбиона и знаю, на какие подлости они способны. У меня до сих пор болит нога, простреленная британской пулей в Трансваале. И я хорошо помню, как они обращались с пленными бурами.

Но тут англичане явно сошли с ума! И совершенно неудивительно, что вся эта интрига в конечном счете вылилась в сражение у берегов Формозы между британским и объединенным российско-германским флотом. Подробности его мне стали известны уже в Петербурге, когда я приехал из Маньчжурии. Наверное, впервые за последние сто лет англичане были так разбиты и унижены.

Но в столице Российской империи дела шли далеко неблестяще. Террористы-эсеры сумели взорвать императора Николая II, а фрондирующие гвардейские офицеры попытались посадить на престол великого князя Владимира Александровича. Но новое «14 декабря» у них не вышло. В события снова вмешались люди с таинственной эскадры адмирала Ларионова, и мятеж был очень быстро и решительно подавлен.

С каждым днем все происходящее в России становилось для меня все более и более непонятным. Чудесное прибытие нового императора Михаила на удивительном подводном корабле, странное назначение главой вновь созданного министерства бывшего лидера эсдеков Владимира Ульянова, еще вчера разыскиваемого полицией и охранкой как государственного преступника, непонятная возня императора с беглым ссыльным Джугашвили, который теперь вполне легально устраивал в столице империи многотысячные демонстрации рабочих и вполне по-свойски заходил к самодержцу на чай. Все это было похоже просто на какой-то кошмарный сон. Но на самом деле это был не сон, а ужасная явь! Привычный мне мир рушился и уходил в небытие...

И отставки, отставки, аресты, аресты... Десятки высокопоставленных чиновников правительства, совсем недавно возглавляемого Сергеем Юльевичем Витте, были безжалостно уволены в отставку, без пенсии и мундира. А некоторые из них угодили в застенки расположенного в Новой Голландии ГУГБ – Главного управления государственной безопасности. Сие учреждение, между прочим, весьма смахивает на новое издание Тайной канцелярии времен императрицы Анны Иоанновны, а господин Тамбовцев – то ли на князя Ромодановского, то ли на Малюту Скуратова. Доверяет государь ему просто безмерно.

Хватают не только бывших чиновников, но и состоявших с ними в комплоте деловых людей. Стон стоит по всей земле российской – за какие-то несчастные сто тысяч, якобы украденные у государства, невинный страдалец имеет все шансы загреметь на каторгу лет на десять-пятнадцать с конфискацией всего честно нажитого им имущества.

Сам же Сергей Юльевич успел вовремя выскользнуть из сетей новоявленных инквизиторов. Так получилось, что накануне всех этих странных дел он отправился в САСШ, где и

остался в качестве эмигранта после его отрешения от должности и объявления в розыск. Это все весьма и весьма печально...

Но вот, не далее как вчера, в меблированные комнаты, которые я снимал в «Пале Рояле», явился неизвестный мне господин, своей внешностью весьма схожий со шведом или с финном. Поинтересовавшись моим именем и фамилией – после чего я уже совершенно не сомневался, что передо мной стоит уроженец Великого княжества Финляндского, – этот господин передал мне конверт, на котором было написано: «Господину Гучкову Александру Ивановичу». Только это и более ничего.

Передав конверт, незнакомец незамедлительно откланялся, а я еще долго размышлял – кто же это таким странным образом отправил мне сие послание? Потом, так и не придя ни к какому-либо определенному выводу, я взял со стола костяной нож для разрезания бумаг и вскрыл письмо.

Послание оказалось от господина Витте, о котором я только что вспоминал. Вот что там было написано.

Уважаемый Александр Иванович!

Вам, наверное, уже известны печальные обстоятельства моей отставки. Трагические события, сопровождавшиеся гибелью российского самодержца и восшествием на престол лица, абсолютно неспособного править нашей бедной страной, заставляют меня обратиться к вам. Александр Иванович, мне прекрасно известно ваше страстное желание сделать все для того, чтобы Россия стала государством европейским, обрела бы Конституцию и представительные органы власти. Путем выборов – не прямых, а двухступенчатых – мы создадим российский парламент, где все достойные представители нашего общества смогут принять участие в управлении государством.

Но для всего этого требуется лишь одно – избавить Россию от тирана, нового императора, который ищет поддержку не среди наиболее уважаемых представителей общества, а среди его подонков. Для этого, с моей точки зрения, годятся все способы.

Я хочу предложить вам, Александр Иванович, принять участие в борьбе против безумца, который с подсказки неизвестно откуда взявшихся авантюристов и государственных преступников губит наше Отечество. Я уверен, что вы не останетесь в стороне и примете посильное участие в спасении России-матушки от неминуемой гибели. Я знаю вашу личную храбрость и не сомневаюсь в вас.

С уважением, Сергей Юльевич Витте.

P.S. О своем решении вы сможете сообщить мне через моего посланника, который зайдет к вам за ответом на следующий день после вручения этого письма. Он – человек надежный, и в его верности и честности вы можете не сомневаться.

Прочитав это письмо, я задумался. С одной стороны, я почувствовал то, что обычно ощущал, начиная новую авантюру. Так было, когда я, еще гимназистом, в 1877 году собирался бежать на Балканы, чтобы принять участие в войне с Турцией. Так было в 1895 году, когда я вместе с братом Федором отправился в путешествие по населенным армянами территориям Османской империи. Там начались антитурецкие выступления, и наше с братом путешествие было совсем небезопасным. В 1898 году я уехал на Дальний Восток, где поступил на службу офицером охраны на строительстве Китайско-Восточной железной дороги. Потом был Транс-

вааль, бои с англичанами, ранение и плен. А в 1903 году я совершил путешествие в Македонию, где местные повстанцы сражались с властями Османской империи.

Везде, куда меня ни забрасывала судьба и мое желание пощекотать нервы, я испытывал незабываемое ощущение, которое трудно описать словами. Это что-то вроде действия опиума, с которым я познакомился во время моей службы в Маньчжурии. То, что предлагал мне Витте, было, черт возьми, заманчиво!

К тому же, если сказать честно, то я и сам был не в восторге от тех событий, которые происходили в России в последнее время. Я всегда мечтал о превращении нашей империи в конституционную монархию, такую же, например, какой была империя Британская. К власти в стране должны прийти достойные люди, независимо от их происхождения, а сословная иерархия должна быть уничтожена. Взять, к примеру, меня – правнука крепостного крестьянина, который своим горбом, своим умом и стараниями выбился в люди. Чем я хуже правнука какого-то князя или графа, у которого, кроме пышного титула за душой, больше ничего нет.

Но, как я уже говорил, все реформы нового царствования были весьма странными и вели совсем не туда, куда, по моему разумению, должны были вести. Власть императора Михаила становилась более самодержавной, чем власть его покойного брата, отца и деда. А все его милости и внимание направлены не на достойнейших и состоятельных людей, а к выходцам из низших слоев общества, которые по своей неграмотности и недостатку развития еще не созрели для того, чтобы принять посильное участие в управлении государством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.